

РАЗДЕЛ 6. ПРОГНОЗЫ, КОТОРЫМ ЛУЧШЕ БЫ НЕ СБЫТЬСЯ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ БИФУРКАЦИЙ

Созданье ли
болезненной
мечты,
Иль дерзкого ума
соображенье,
Во глубине
полночной темноты
Представшее очам
моим виденье?
Не ведаю; но
предо мной тогда
Раскрылися
грядущие года...

Е. Баратынский

Образование. Революция. Закон... М., 1999

ГЛАВА IV. РЕВОЛЮЦИЯ КАК БИФУРКАЦИЯ. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ (ПАРАГРАФЫ 1, 2)

1. «Принципиальная непредсказуемость» или реальная альтернативность развития?

Термин «бифуркация» за последнее время нередко употребляется как синоним термина «катастрофа» (см., например: Моисеев Н. Н. Тектология Богданова — современные перспективы // Вопросы философии.— 1995.— № 8.— С. 12). Однако в данной работе, в соответствии с этимологией, этот термин употребляется для обозначения точки кризиса, после которой возможно развитие системы в различных направлениях, вплоть до полного уничтожения (Словарь иностранных слов.— М., 1989.— С. 84).

Разумеется, любой революционный кризис такому пониманию бифуркации вполне отвечает тем более, чем он глубже. После каждой революции возникает новый этап, новая линия развития общественной системы — и это не случайно. В условиях «спокойного» функционирования данного социума, циклического воспроизводства его отношений и институтов возможности социальных инноваций, разумеется, существуют, но они всегда достаточно жестко ограничены наличными условиями. Вероятность инноваций, выходящих за рамки системы, является здесь скорее абстрактной (на этом и основан функционализм как социологическая парадигма). Иное дело — ситуация революционного кризиса: все или большинство социальных институтов разрушены или расшатаны; вера в прежние ценности ослабевает, как и контроль за соблюдением социальных норм; более того, людьми овладевает желание отринуть прежнюю систему любой ценой, а новизна, независимо от того, ведет она к лучшему или худшему, превращается в самоценность и обретает неодолимую притягательную силу. В этих условиях общественные группы, выступающие как субъект истории, при поддержке широких масс действительно способны направить развитие событий в то или иное русло (хотя отнюдь не всегда — в желаемое), а возможность появления принципиально новой социетальной системы из абстрактной превращается в реальную.

В литературе неоднократно обсуждалась проблема свободы выбора в революционных условиях. Одни авторы полагают, что эта свобода резко расширяется, другие, напротив, доказывают, что она значительно ограничивается. Представляется, что

обе точки зрения содержат в себе рациональное зерно и отражают две стороны очередного парадокса революции, который можно было бы сформулировать так: качественное расширение альтернативности развития при количественном ограничении свободы выбора управленческих решений.

Одна из сторон этого противоречия выше уже описывалась. В обобщенном виде можно повторить, что возрастание альтернативности в революционных условиях детерминируется:

расшатыванием или разрушением социальных институтов прежней системы, устанавливавших социальные рамки поведения людей;

возможностью появления принципиально новой системы.

Иначе говоря, растет не количество альтернатив, а их качество. В обычных условиях альтернативы существуют в рамках данной системы, в условиях революции — альтернативы между различными типами систем.

Казалось бы, в такой ситуации пропорционально возрастанию альтернативности должна расти и свобода выбора политико-управленческих решений. Однако на деле это не так. В последующих разделах будет показано, что любая революция в той или иной мере представляет собой чрезвычайную ситуацию, катастрофу, требующую чрезвычайных мер для выхода из кризиса. Меры же чрезвычайного управления вне зависимости от того, в каком идеологическом оформлении и какими политическими режимами (левыми или правыми) они осуществляются, бывают весьма похожими между собой. Не случайно первые элементы продрозверстки вводило уже царское правительство, а новый курс Ф. Рузвельта характеризовался многими американскими правыми как «прокоммунистический».

Это не означает, конечно, что в условиях революции как чрезвычайной ситуации существует единственный путь решения проблем, нередко ею же созданных. Это означает, что количество таких решений уменьшается более или менее пропорционально глубине катастрофы и поляризации общественных сил. Два последних фактора, как правило, увеличивают вероятность выбора радикальных мер (правого или левого толка — это зависит от того, какие политические движения и партии находятся у власти), одновременно сокращая вероятность выбора путей промежуточных, возможности следования правилу «золотой середины». Известная формула В. И. Ленина о том, что Россия в 1917 г. оказалась перед выбором между диктатурой Корнилова или диктатурой пролетариата (Ленин В. И. Один из коренных вопросов революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 34.— С. 205), отражает отнюдь не только радикализм большевистской позиции, но и действительную вероятность осуществления основных сценариев социально-политического развития страны, когда шансы на реализацию иных путей оказались минимальными.

Итак, ограничение свободы выбора политико-управленческих решений в условиях революции является результатом:

массового, а иногда и всеобщего отторжения старого, резко снижающего вероятность возврата к прошлому (даже после поражения революции, что бывало отнюдь не редко, прежняя система практически никогда не восстанавливается в дореволюционной форме);

сужения поля выбора количества более или менее эффективных управленческих мер в условиях чрезвычайной ситуации;

резкого снижения шансов на реализацию промежуточных путей решения по мере радикализации политических сил, возрастания вероятности реализации радикальных политических курсов (левого или правого).

Образно говоря, в условиях «нормального», спокойного развития общество и его политическая элита движутся как бы по широкой дороге, за границы которой выйти они обычно не хотят и не могут, однако внутри этих границ имеют значительную свободу выбора: можно идти вперед чуть медленнее или чуть быстрее, некоторое время двигаться не только вдоль, но и поперек, частично возвращаться назад и т. п. Количественно альтернативы при этом могут быть весьма многочисленны и разнообразны, но это альтернативы в рамках данного направления. Напротив, общество в условиях

революционной ситуации или ситуации начавшейся революции оказывается как бы на развилке нескольких дорог. Здесь оно способно принципиально изменить траекторию развития, но сами дороги при этом значительно сужаются. Другими словами, качественный рост альтернативности сопровождается сокращением количества реально возможных политико-управленческих решений.

Исследование революции в качестве одного из видов бифуркационных исторических ситуаций тесно связано, хотя и не совпадает полностью, с изучением особенностей политического прогнозирования в революционных условиях. В уже упоминавшейся статье о тектологии Богданова крупный отечественный специалист по системным исследованиям Н. Н. Моисеев следующим образом формулирует свою позицию по вопросу, вынесенному в заголовок настоящего раздела: «Если быть последовательным, то мы неизбежно придем к выводу о том, что результат любой революции, ее исход, т. е. конечное постреволюционное состояние общества непредсказуемо, причем принципиально! Последнее утверждение не только вывод теории, оно является уже и эмпирическим обобщением: ни одна революция не достигала тех целей, ради которых она предпринималась. И причина здесь общая для всех катастрофических (кризисных, бифуркационных) состояний. При переходе через критическое состояние память системы резко уменьшается и в становлении ее будущего состояния превалирующую роль приобретают всегда существующие непредсказуемые, т. е. случайные факты» (Моисеев Н. Н. Тектология Богданова — современные перспективы // Вопросы философии.— 1995.— № 8.— С. 12). Из трех главных тезисов этого интересного рассуждения сомнение вызывает только один — первый. Действительно, память системы ослабевает при переходе через критическое ее состояние. В свое время автор этих строк предложил даже наименование для обозначения одной из специфических болезней революционного сознания — «синдром девичьей памяти», имея в виду тот факт, что народ слишком быстро забывает недавние лозунги и верит иным, подчас прямо противоположным. Для «верхов» этот синдром едва ли не главное условие политической карьеры, для «низов» же — одно из условий выживания, ослабления стрессовых перегрузок. Политическое поведение народа в таких условиях вполне укладывается в известную формулу поэта:

«Ах, обмануть меня не трудно,
Я сам обманываться рад...»

Действительно, ни одна революция не достигала тех целей, которые она провозглашала, по крайней мере, не достигала их непосредственно. Однако отсюда не следует, что исход революции принципиально непредсказуем. Напротив, обладая определенной квалификацией, можно предсказать как раз то, что объявляется доказательством непредсказуемости, а именно, что первоначальные цели революции не только не будут реализованы, но будут все более вытесняться из памяти системы. Вполне возможно также прогнозировать основные варианты развития событий и вероятность каждого из них. В доказательство такой возможности приведу отрывки из собственных прогнозов, опубликованных главным образом в местной (омской) печати начала 90-х гг., — прогнозы, основные положения которых, увы, подтвердились. Однако прежде хочу заметить, что положение Н. Н. Моисеева о принципиальной непредсказуемости результатов революции не является неверным в принципе. Оно представляет собой гипертрофированное изложение верной мысли, согласно которой достоверность социального прогноза, не слишком высокая в обычных условиях, в революционных условиях снижается едва ли не на порядок.

2. Проблема достоверности прогноза

Специалист, выступающий с политическими прогнозами, ошибиться рискует всегда, а в такой исторический период, который в настоящее время переживает Россия, рискует вдвойне.

Первая группа факторов риска обусловлена самим объектом исследования, т. е.

характером тех процессов, которые приходится прогнозировать. Известно, что астроному не составляет большого труда предсказать солнечное затмение через сто лет с точностью до минуты, тогда как синоптик очень часто ошибается в прогнозе погоды на завтра. И дело здесь не в недостатке квалификации, а в простоте или сложности, в постоянстве или изменчивости системы причин, обуславливающих данное явление. Поскольку социально-политические процессы, вне сомнения, являются поликаузальными, специалист по соответствующим наукам по своему положению оказывается гораздо ближе синоптику, нежели астроному, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Хорошо известна история о том, как в середине прошлого века в Англии был проведен опрос ученых и писателей на тему: какова будет наиболее сложная проблема Лондона через 100 лет? Характерно, что действительных проблем мегаполисов в середине двадцатого века не предсказал никто, а некоторые из опрошенных утверждали, что наиболее сложной задачей для лондонцев в середине XX в. будет уборка навоза, которым город в связи с резким увеличением числа карет может оказаться завален до крыш первого этажа. Иван Ефремов, один из крупнейших отечественных ученых и писателей-фантастов, в середине 60-х гг. полагал, что даже в эру «Великого Кольца» компьютеры высокой мощности не смогут устанавливаться на звездолетах ввиду их (компьютеров) колоссальных размеров (Ефремов И. Туманность Андромеды.— М.: Молодая гвардия, 1958.— С. 7).

А вот примеры более близкого времени. Братья Стругацкие, которые, на взгляд автора, принадлежат к числу лучших за последние десятилетия «модельеров будущего», описывая в романе «Отягощенные злом...» общественную систему, ожидаемую в СССР через четыре десятилетия, явно придавали ей черты общества демократического социализма (Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные злом, или сорок лет спустя // Юность.— 1988.— № 6—7). Со времени публикации до декабря 1991 г. оставалось немногим более трех лет. Известный футуролог О. Тоффлер, рассуждая в конце 80-х гг. об экономике «третьей волны», предсказывал, что в середине 90-х гг. 15 миллионов видов труда можно будет выполнять не выходя из дому, а в перспективе 2% населения будут, используя роботов, выполнять всю оплачиваемую работу, тогда как 98% населения — в современном смысле ничего не делать. При этом, по его мнению, принципиально новая общественная система будет сформирована уже через 30 лет, т. е. к концу второго десятилетия XXI в. (см.: Тоффлер О. Прогнозы и предпосылки // Социс.— 1987.— № 5.— С. 22; «Третья волна»: куда идет мир? Диалог Ф. Бурлацкий — О. Тоффлер // Литературная газета.— 1987.— № 18.— С. 13). Экстраполяция в будущее тенденций эпохи, сознательное или бессознательное представление об экстенсивном характере развития и сравнительно невысокая предсказуемость революционных инноваций даже в научно-технической области проявляются в этих примерах, как и во многих других.

В российских условиях, где догматизированный марксизм оказался заменен не менее догматизированным антимарксизмом, где в первой половине 90-х гг. вполне уместно было перефразировать древнее изречение о том, что даже осел считает своим долгом лягнуть мертвого льва, в связи с проблемой прогнозов целесообразно сказать несколько слов не о мнимых, а о действительных методологических недостатках марксистской футурологии. Если абстрагироваться от тех ограничений, которые непосредственно накладывают на творчество любого социального мыслителя, даже самого гениального, исторические условия, таких недостатков можно назвать, по крайней мере, два.

Во-первых, ориентация на естественно-научный идеал познания (концепция естественно-исторического процесса, представление о том, что любая наука является наукой, поскольку она овладевает математическим аппаратом) принадлежит к безусловным достоинствам марксизма. Однако недостатки, как известно, есть продолжение достоинств. В данном случае указанная ориентация привела, по-видимому, к преувеличению жесткости социальных законов, равно как и возможностей социального познания и, как следствие, к представлению о неизбежности перехода всего человечества в обозримой перспективе к новой общественной формации. Увы, социальным философам и социологам придется, видимо, с учетом всего наличного опыта социальной футурологии,

включая и марксистскую, смириться с мыслью о том, что в конце XX в., как и в середине XIX в., уровень развития социогуманитарной науки не позволяет предсказывать будущее однозначно, но позволяет лишь прогнозировать основные его варианты, более или менее достоверно оценивая вероятность их реализации.

Во-вторых, как известно, основатели диалектико-материалистического подхода к развитию общества критиковали одного из своих великих предшественников — Гегеля за непоследовательность и, в частности, указали на характерное для его теоретических построений противоречие между методом и системой. Суть этого противоречия, по мнению Энгельса, в том, что диалектический метод требует отказа от построения любой законченной системы, но тем не менее такая законченная система строится и потому ее автор вынужден отыскивать законченное воплощение абсолютной идеи в немецкой сословной монархии начала XIX в. (Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 21. С. 276—277). Более того, создатели марксистской парадигмы в общей форме неоднократно предупреждали об ошибочности попыток создания детальной, развернутой картины будущего. И пусть «вырастет новое поколение...», — писал Ф. Энгельс, — «когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, — и точка» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 21. С. 85).

Однако представляется, что указанного противоречия не удалось избежать и самому марксизму, хотя в значительно менее острой форме, чем это имело место у Гегеля. Теоретически предсказанное будущее, в котором должно было произойти совпадение исторического и логического, оказалось в теории на равных правах с реальным настоящим, более того, в качестве подлинной истории. Система, таким образом, приобрела, даже получила перед ним стройность и красоту, однако (особенно в советский период) футурология при этом в значительной мере превратилась в эсхатологию.

Кстати, в литературе уже высказывалось предположение, что именно стройность и красота теоретического построения увлекли Маркса при создании им коммунистического проекта. Последнее могло бы стать предметом самостоятельного исследования и поводом для дискуссии на тему о том может ли принцип красоты быть критерием истинности в социогуманитарных науках подобно тому, как представлял себе это Эйнштейн в отношении наук естественных.

Все сказанное отнюдь не означает огульного отрицания марксистской футурологии. Напротив, автор полагает, что если человеческая техническая цивилизация в соответствии с парадоксом Ферми не станет жертвой самоуничтожения, в будущем она приобретет немало характеристик, рассматривавшихся прежде как атрибуты коммунизма. Речь о другом: тем, кто действительно считает себя марксистами, давно следовало бы, опираясь на социально-экономическую парадигму, разработанную Марксом, подвергнуть беспощадному анализу новую реальность и отказаться от устаревшей «буквы» в теоретическом наследии своих предшественников; иначе говоря — преодолеть эсхатологию марксизма (а точнее, псевдомарксизма) с помощью его методологии. Вернемся, однако, к проблеме достоверности прогноза.

Вторая группа факторов, провоцирующих ошибки в политических прогнозах, связана с тем, что современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы, новую бифуркацию, причем как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен, но между ними мало единства на счет того, что ждет человечество впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие — глобальную катастрофу; одни уверены в будущей победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная цивилизация и т. п. В такую переходную эпоху количественная экстраполяция в будущее современных тенденций развития цивилизаций не оправдана еще более чем обычно, что, соответственно, повышает трудности социального и политического прогнозирования.

Наконец, третью группу факторов, снижающих достоверность социально-политического прогнозирования, образуют особенности переживаемого Россией исторического момента, иначе говоря, все та же новейшая отечественная революция. Российское общество, как и общество в других странах Восточной Европы и бывшего СССР, находится в состоянии глубочайшего кризиса. Образно говоря, оно оказалось в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива. Именно в условиях революционных ситуаций, публицистически говоря, на исторических переломах резко возрастает вероятность ошибок в политических прогнозах. Когда прежняя система, казалось бы, безвозвратно уходит в прошлое, а новая прокладывает себе дорогу, нередко по трупам, очень легко принять тенденцию момента за тенденцию исторической эпохи, а тенденцию исторической эпохи — за тенденцию всего всемирно-исторического процесса. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к документам Французской революции XVIII в., Российской революции 1917—1920 гг. либо к выступлениям политических лидеров Советского Союза и России 1989—1993 гг. Великие заблуждения прошлого при этом сплошь и рядом выглядят с точки зрения исторической логики гораздо менее противоречивыми, нежели новейшие изобретения нашего времени: обещания большевиков о том, что частная собственность на землю отменяется навсегда — по сравнению с популярным лозунгом «Землю — народу в частную собственность» (как будто народ — это частное лицо); представления марксистов о коммунизме как о начале подлинной истории — по сравнению с утверждениями Френсиса Фукуямы о либеральной цивилизации как о ее конце (в первом случае история, по крайней мере, продолжается) и т. п.

Более того, как будет показано в дальнейшем, ситуационными характеристиками и закономерностями революции, ее неизбежными спутниками являются противоположность объявленных целей и непосредственных результатов, феномен «маятника» (т. е. резкие колебания политического курса и общественных настроений), неадекватно оптимистическое восприятие перспектив и т. п. Вряд ли в 1989 г., когда страна была в полном восторге от созыва первого за многие годы избранного на альтернативной основе Парламента (Съезда народных депутатов СССР), а либеральные пока еще демократы гневно клеймили большевиков, разогнавших Учредительное собрание, кто-то смог достоверно предсказать расстрел Российского парламента в 1993 г. Еще больше сомнений, что подобным прогнозам поверили бы широкие слои населения.

Все вышеназванные и другие неназванные здесь факторы не оставляют сомнений: в революционные моменты истории вероятность ошибок в политических прогнозах велика как никогда. Однако это отнюдь не означает, что результаты революции принципиально непредсказуемы. Напротив, потребность в таких прогнозах в моменты социальных бифуркаций растет едва ли не пропорционально квадрату их сложности. При этом, как уже отмечалось, по необходимости эти прогнозы имеют вероятностный характер, должны предлагаться в виде различных политических сценариев. Однако прежде чем воспроизвести подобные сценарии, прогнозировавшиеся автором в 1989—1990 гг. и в 1994—1995 гг., необходимо определить хотя бы главные факторы, которые детерминируют и будут детерминировать в ближайшей перспективе российский политический курс вообще и такую его интегральную характеристику, как смещение влево или вправо, в частности.

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?

Размышления у придорожного камня истории

А в чистом поле могуч камень стоял,
И на том камне написано:
Прямо ехать — убитому быть и коня сгубить!
Влево ехать — смерть принять!
Вправо ехать — коня потерять!

И поехал Иван вправо...

Русская народная сказка

Когда все это только начиналось, когда перестройка еще называлась ускорением и разворачивалась под фанфары чуть ли не всеобщего требования ввести сухой закон, на вопрос о том, не существует ли в нашей стране революционная ситуация, я позволял себе отвечать иронически: если и существует, то вывернута наизнанку. В революционной ситуации «низы» не хотят, а «верхи» не могут жить по-старому, у нас же, наоборот, «низы» не могут, а «верхи» не хотят жить по-новому.

Теперь революционная ситуация — непреложный факт. Не раз приходилось слышать в рабочей аудитории: «Взять бы автомат, да пострелять...», но все чаще произносятся и слова великого поэта: «Не приведи бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!».

Недавно очередной астролог — знамение зыбкого времени — сообщил нам, что Советский Союз находится под влиянием Урана, цикл которого — 84 года, и поэтому в 1989-м мы пережили аналог 1905 года, а дальше последует аналог столыпинской реформы, и — все к лучшему в этом лучшем из миров! Успокоение, надо сказать, рассчитано на исторически малограмотных, ибо, если развитие идет циклично, в начале XXI века нас ожидает гражданская война, а в 2021 году — 1937-й.

Но дело, конечно, не в гаданиях и прорицаниях, а в реальных процессах, которые — увы! — напоминают скорее 1917-й. В стране усиливается не просто размежевание (что естественно), но поляризация политических сил, и чем более входит в моду привычка ругать большевиков за экстремизм и нетерпимость в революционные дни, тем чаще проявляется и склонность к экстремизму, нетерпимость в собственных действиях.

Как и в 1917-м, общество наше оказалось, подобно былинному русскому витязю, на перекрестке трех дорог — именно трех, а не двух, как часто говорят и пишут, имея в виду, с одной стороны, тоталитаризм и бедность, с другой — демократию, сытость и процветание.

Первая дорога — та, по которой шли с конца 20-х до середины 80-х годов. По сути эта дорога — назад, к модели общества, называемой обычно административно-бюрократическим социализмом. Пожалуй, возврат на этот путь способен снять остроту некоторых проблем, доведенных до предела в нынешней переходной ситуации, когда недостаток свободы многие стремятся компенсировать избытком воли: могут появиться товары, припрятанные на складах, будут лучше разгружаться вагоны, за счет укрепления дисциплины ритмичнее заработают предприятия. Однако в принципе этот путь, несомненно, является тупиковым и с исторической точки зрения лишь затягивает время, увеличивая трудности и издержки неизбежных затем преобразований. К тому же возврат к прежней модели потребует чрезвычайных мер, проведение которых в Союзе, учитывая наши традиции, будет похоже скорее на Китай летом 1989 года, чем на Польшу 1981 года.

Еще прошедшей осенью нередко приходилось слышать рассуждения следующего свойства: «Чем думают наши руководители? Какая польза от этих демократических игр? В магазинах пусто, страна разваливается, в Верховном Совете одна болтовня. Вот в ГДР и Чехословакии поменьше гласности, зато куда больше товаров и порядка!»

Так говорили тогда. Но теперь уже, кажется, всем, кто не потерял разума, понятно, что попытка искусственного сдерживания реформ приводит впоследствии лишь к более резкой «откачке» политического маятника в противоположную от первоначального положения сторону. И если в ГДР и Чехословакии здравый смысл властей и политическая культура народа позволили обойтись при этом без крови, то в Румынии исход оказался иным.

Вторая дорога — путь ускоренной вестернизации. Поскольку «вест» означает «запад», речь идет о немедленной «перестройке» Советского Союза по модели западных капиталистических стран. Такой вариант обретает все больше сторонников, и это неудивительно. Стоит измученному дефицитом человеку взглянуть на экран телевизора, где чуть ли не каждый день показывают переполненные зарубежные супермаркеты, как он моментально делается «западником» либо, как минимум, начинает рассуждать так: «Да

мне все равно, какой строй, лишь бы в магазинах все было!»

Однако в истории выбирать часто приходится не между хорошим и лучшим, а между плохим и очень плохим. Попытка немедленно сделать все, как «у них», приведет наше общество не к современному, цивилизованному капитализму, а к капитализму раннему, даст не американский и тем более не шведский, а, например, колумбийский его вариант. Понимая, что выступать с теоретическими аргументами против ломающихся от изобилия витрин — это все равно, что скакать с шашкой на танк, считаю тем не менее своим долгом это сделать хотя бы для того, чтобы иметь чистую совесть Кассандры.

Первый аргумент логический: подобно тому, как человек не может родиться в рубашке, а тем более в галстуке, в костюме и имея в кармане вузовский диплом, так и любая общественная система появляется на свет в младенческом состоянии и лишь затем быстрее или медленнее достигает зрелости. Интересно, что это признают и наиболее последовательные сторонники капитализма — партия «Демократический Союз». Позволю себе длинную цитату, принадлежащую перу лидера ДС В. Новодворской.

«Только частный интерес способен подвигнуть большинство на результативный труд. Кооперация, коллективная собственность — это уже производные от индивидуальных, частных хозяев, умеющих стоять экономически на своих ногах,— хозяев фабрик, заводов, земли, магазинов, железных дорог, корпораций. Ограничения сверху приходят потом, когда здоровые силы общества (т. е. капиталисты), достигшие преуспевания, приходят к соглашению. Нам же нужно вернуть Хозяина, Дельца, Менеджера... Здесь должна быть простая идея: «Обогащайтесь!» В результативном обществе эта неприкрытая корысть всегда смягчается. Но мы сейчас очень бедны, нам нужно включать рычаг частной собственности и пройти естественный путь развития». «Нельзя сорвать чужие плоды (например, Запада конца XX века) и просто усвоить их. Здесь каждый проживает свою жизнь. Мы остановились 70 лет назад и пошли вспять. Сейчас мы должны расплатиться 100-летним отставанием».

Недавно, в первый раз выступая в обкоме КПСС, я позволил себе сказать, что после этой статьи «зауважал» Валерию Новодворскую. Переспросили: не оговорился ли? Ответил: нет. В. Новодворская — для меня идейный и политический противник, но в отличие от иных моих коллег по партии она честно ставит вопрос: если капитализм — то только ранний, не такой, каким мы его видим сейчас в развитых странах, а такой, каким его описывали, скажем, Ленин и Горький: со столетним отставанием, без всяких «ограничений», с неприкрытой корыстью «хозяев» и отчаянием тех, кому не посчастливилось попасть в «здоровые силы общества», — словом, такой, который как раз и породил Октябрьскую революцию со всеми ее последствиями, вызывающими ныне бурные споры. На этот счет у народа не должно быть никаких иллюзий. Расхождения же мои с В. Новодворской состоят «только» в том, что она желает стране такого пути, я же считаю необходимым сделать все возможное в рамках демократии, чтобы его избежать.

Вторым аргументом против немедленной «капитализации» служит, как ни странно, опыт развитых капиталистических стран. Парадоксально, но факт: в то время, как у нас широко распространилось разочарование насчет идей социализма, Запад все более стремится реализовать их общечеловеческое содержание.

«Даешь неограниченную частную собственность» — требуют наши «левые-правые». Контрольные пакеты акций заводов и фабрик должны принадлежать трудовым коллективам — полагают шведские социал-демократы. И даже американские республиканцы-консерваторы реализуют программу ПАС — продажи акций служащим, предоставляющую экономические льготы тем фирмам, которые стремятся сделать своих работников хоть немного, но хозяевами.

«Безработица — необходимое условие высокого качества труда», — активно внедряется у нас в массовое сознание. Но те же шведы объясняют советским коммунистам, что безработица даже при хороших пособиях антигуманна, порождает преступность, развращает народ. Вот только избавляться от нее нужно не как в Союзе, где на троих делят работу (и зарплату), которой мало одному, а путем создания новых рабочих мест, где бы человек мог действительно эффективно трудиться. Кстати, в Средней Азии

безработица, как говорят, медицинский факт, но качество труда что-то не улучшилось...

«Спасение — только в свободном рынке», — звучит рефреном многих политических выступлений, в том числе и кандидатов в народные депутаты России от Омска и области. Однако американский экономист Гэл-брейт, не выбирающий, в отличие от нас, парламентских выражений, расценивает подобную точку зрения как психологическое отклонение клинического характера (см.: «Известия». — 1990. — 1 февраля). В развитых странах «чистый» рынок давно сменился регулируемым, в том числе иногда и административными методами. У нас же он немедленно превратит полупустые карманы большинства граждан в совершенно пустые.

Перечень подобного рода «странностей» легко увеличить, но и сказанного достаточно, чтобы понять опасность соблазна простых решений или «синдрома упрощений». Суть этого синдрома в следующем: если то, что делали прежде, привело к нынешнему кризису, то стоит начать делать все наоборот, и получим прекрасный результат. Уверен: попытки действовать по «принципу маятника» поведут страну не магистральным путем общественного прогресса, а в противоположном направлении. Подобно тому, как это уже случилось в конце 20-х, мы опять рванемся догонять ушедших вперед, и опять не той дорогой.

Аргумент третий — опыт, хотя и небольшой, движения к западной модели стран Восточной Европы. По логике вещей, проще всего такой переход осуществить ГДР, воссоединившись с ФРГ. Однако западно-германские специалисты (например, профессор Леонгардт) предупреждают немцев, что даже в таких особо благоприятных условиях процесс этот окажется весьма болезненным, будет сопровождаться высокой нестабильностью жизни людей в Восточной Германии, отчаянием и ростом политического экстремизма.

Но более всего интересен пример Польши, где «Солидарность», придя к власти, поменяла многие первоначальные позиции на прямо противоположные: вместо демократических лозунгов — требование Л. Валенсы чрезвычайных полномочий для правительства; вместо коллективной собственности («фабрики — рабочим») — идея распродажи основной массы предприятий в частные руки; вместо критики прежнего руководства за намерение закрывать нерентабельные предприятия — заявления о предстоящей безработице на уровне 15—20%; вместо требований о повышении заработной платы трудящимся — программа ее замораживания при свободе рыночных цен и т. п.

В советских условиях осуществить подобную программу несравненно труднее, чем в польских, хотя бы потому, что в Польше, по крайней мере, существует известное количество цивилизованных капиталистов, у нас же почти весь частный капитал имеет подпольный характер. Размеры его оцениваются в сумму от 70—90 млрд. до 500 млрд. рублей. Можно, конечно, как теперь нередко предлагают, молить о помощи дельцов теневой экономики, но вряд ли серьезно думать, что из бывших воров выйдет много организаторов производства, не говоря уже о нравственной и юридической стороне подобной «дороги к храму». С учетом всего сказанного становится понятным замечание Нобелевского лауреата, экономиста В. Леонтьева о том, что, будучи в здравом уме, Советскому Союзу нельзя желать капитализма.

Итак, назад нельзя: там тупик и диктатура. По-видимости вперед, к раннему капитализму, тоже нельзя: там путь, может быть, и найдется, но лежит он через колоссальные потери, острейшие противоречия, а значит, скорее всего опять-таки через диктатуру.

Но есть еще третий путь, к новой модели общества, демократически-социалистической, многоукладной, плюралистической, свободной от господства как бюрократов, так и капиталистов. К этой модели страна двигалась в период НЭПа, к ней же, но с другой стороны, приближаются некоторые государства современного «социализированного» капитализма (например, Швеция). Разбор этой модели — предмет особого большого разговора, который не является задачей статьи. Здесь речь о другом. Хватит ли у нас здравого смысла выбрать именно этот путь или же страну будет по-

прежнему нести по исторической синусоиде, из крайности в крайность? Сможем ли мы действительно освоить мировой опыт или и впредь станем платить собственной кровью? Увы, вероятность неправильного выбора достаточно высока, ведь, как считают многие культурологи, склонность снова и снова грешить и каяться заложена в российском характере. Вот почему все чаще всплывают в моей памяти строки из песни Юрия Кукина:

«Стою, стою, роняя руки,
В глуши лесной.
А три сосны, как три разлуки,
Передо мной.

...И сердце рвется на три части,
Щемит в груди:
Три счастья или три несчастья
Там, впереди?..»

Статья опубликована в газете «Вечерний Омск». — 1990. — 3 марта и представляет собой по существу изложение предвыборной позиции автора. Первый тур выборов в народные депутаты РСФСР состоялся, как известно, 4 марта 1990 года.

ПОЧЕМУ Я НЕ ГОЛОСОВАЛ «ЗА»

Только что абсолютным большинством голосов I Съезд народных депутатов России принял Декларацию о ее суверенитете. В зале овация: депутаты стоя приветствуют принятое решение. Я же общего воодушевления разделить не могу. И не потому, что быть в меньшинстве, как каждому известно, вообще неприятно, а в «подавляющем меньшинстве», заведомо зная, что вызовешь в лучшем случае недоумение чуть не со всех сторон, неприятно вдвойне. Дело в другом: тревожат последствия содеянного для самой России и страны в целом. Однако обо всем по порядку.

Пожалуй, не было кандидата в народные депутаты РСФСР, который в своей предвыборной платформе не требовал бы восстановления суверенитета республики, и в этом смысле моя платформа — не исключение. Однако при этом сам суверенитет понимается по-разному, а весь спектр различий укладывается между двумя основными концепциями: федеративной и конфедеративной. Федералисты выступают сторонниками сохранения Союза, для чего считают необходимым, чтобы союзные Конституция и законы (все или в определенных областях) обладали верховенством над республиканскими. Конфедералисты отдают приоритет республиканским законам и обычно утверждают, что тоже намерены укрепить Союз, однако для подлинной интеграции сейчас необходимо дезинтеграция (то же самое менее года назад говорила председатель Совета Министров Литвы Прунскене). Среди сторонников суверенитета России есть также группа прямо заявляющих, что «советская империя» дышит «на ладан», а задача демократов — сократить агонию, помочь ей по возможности безболезненно отправиться «на тот свет».

Какой же подход отразила Декларация о суверенитете РСФСР?

Обратимся к тексту ее ключевого пятого пункта: «Для обеспечения политических, экономических и правовых гарантий суверенитета РСФСР устанавливается полнота власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни за исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение Союза СССР».

Верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР. Действие актов Союза СССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается республикой на своей территории».

Очевидно, что документ выходит за рамки чисто федеративной концепции, ориентирован на «больше чем федерацию», если воспользоваться выражением Б. Н. Ельцина, и в нынешней ситуации это нормально: принцип делегирования полномочий «снизу — вверх» считаю необходимым для построения действительно свободного

многонационального государства. Однако принятый текст представляется мне двусмысленным, допускает возможность различной трактовки: либо верховенство российского законодательства охватывает все вопросы общественной жизни (и тогда мы имеем конфедерацию в «чистом» виде), либо на те из них, что переданы республикой Союзу, распространяется приоритет союзных законов.

Учитывая эту двусмысленность, я, проголосовав за все другие статьи Декларации, воздержался от голосования по центральному пятому пункту, а следовательно, и по документу в целом. Кстати, в редакционную комиссию мною была передана поправка, устраняющая возможность неоднозначного толкования: «верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории республики за исключением тех полномочий, которые ею добровольно передаются в ведение Союза ССР».

Если руководство России будет трактовать принятую формулировку в конфедеративном духе,— а это весьма вероятно,— то не надо быть политологом, чтобы предсказать последствия троякого рода. Во-первых, по примеру России аналогичные решения примут все те союзные республики, которые не сделали этого раньше. Но когда законодательство каждой из них будет поставлено выше союзного, сохранится ли нужда в союзных законах да, пожалуй, и в самом Союзе? Во-вторых, национально-государственные образования на территории самой РСФСР объявят верховенство своих законов над российскими и союзными и будут по-своему правы: что посеешь,— то и пожнешь. Тем самым распад Союза вызовет цепную реакцию и в самой Российской Федерации. В-третьих, двусмысленная формулировка вполне может стать основой для конфликтов между центральной и российской властями, а что бывает, когда «паны дерутся», мы, надеюсь, ещё не забыли.

Как специалист по политическим наукам, хорошо понимаю, что наиболее вероятный вариант будущего союза, если он вообще сохранится— это сложная конфедеративно-федеративная структура. Обязательным для каждого демократа считаю умение уважать право других народов на самоопределение, вплоть до отделения. Однако если уж Россия начнет подавать подобные примеры, то они наверняка окажутся заразительными. Когда, как остроумно заметил Александр Ципко, «русские уходят из России», чего ждать от всех остальных?

Почему же, несмотря на очевидность этих соображений, большая часть Съезда проголосовала по существу за конфедеративный вариант, угрожающий разрушением Союза? Тому, как говорил классик, есть многие причины. И, конечно, первая из них — нынешнее состояние Союза. Не думаю, чтобы судьба древних или колониальных империй была, что называется, изначально написана ему на роду. Время сейчас не то: весь мир движется к интеграции, а мы в погоне за ним, как это уже не раз бывало, рвемся в противоположную сторону. Да и само представление о Союзе как последней мировой империи не кажется мне убедительным. Лучшее тому доказательство — растущее стремление «метрополии» (России) избавиться от своих «колоний» (других республик), нередко имеющих более высокий уровень жизни.

Однако переживаемый страной глубочайший кризис вызывает желание найти виновных и, как всякая революционная ситуация, рождает иллюзии. Одна из них — представление, будто, обособившись, избавившись от власти Москвы, «Центра», любой народ (в том числе и русский!) сразу откроет пути к процветанию. Такая иллюзия усиливает центробежные тенденции и вполне может привести к разрыву десятилетиями, а то и веками складывавшихся связей. В свою очередь это чревато не меньшими экономическими и человеческими потерями, чем попытка насильственного сохранения прежних форм объединения.

Вторая причина состоит в том, что мы, республиканские депутаты, уже по должности немного сепаратисты. Нам, что называется, сам бог велел заботиться в первую голову об интересах части, а не целого. Однако такой «республиканский эгоизм» может в итоге оказаться «себе дороже». В этой связи заслуживает внимания новый подход ряда зарубежных политологов к вопросу о «советской угрозе»: такая угроза видится уже не в наших ракетах, а в нестабильности, распаде, внутренних национальных конфликтах в

Союзе. Много ли выиграет Россия, вольно или невольно стимулируя эти процессы? Много ли выиграет она, если тысячи беженцев из других республик превратятся в миллионы?

Наконец, существует, очевидно, и третья причина, так сказать, личностно-группового свойства. Известно, что Президент СССР открыто противодействовал избранию Б. Н. Ельцина на пост Председателя Верховного Совета России и даже не поздравил его с победой. Ельцин же, в свою очередь, не раз решительно критиковал Президента СССР.

Не обещая своим избирателям голосовать за Бориса Николаевича, я тем не менее пришел к выводу о необходимости в сложившейся ситуации поддержать его кандидатуру, однако не намерен «единодушно одобрять» все, что говорит или делает новый Председатель Верховного Совета. Например, выражение «независимость России в Союзе» кажется мне, мягко говоря, нелогичным. Независимость от кого? От других республик, многие из которых сами жаждут независимости? Или от союзного правительства, процентов на восемьдесят состоящего из русских? О «независимой Литве в составе Союза» мы уже слышали от Бразаускаса. Финал известен. В современном взаимозависимом мире абсолютная независимость вообще невозможна, а в рамках единого государства, пусть даже конфедерации, тем более.

Подведем итоги. Съезд принял важнейший политический документ, который, возможно, во многом определит судьбы Союза и России. Кто прав: большинство, стремящееся поставить российские законы над союзными, или меньшинство, считающее, что «сферы влияния» должны быть четко разделены,— рассудит история. Возможно, историческое разбирательство по делу уже началось заявлением от имени автономий, которые намерены поднять вопрос о праве свободного выхода из РСФСР и обеспечить верховенство своих законов над законами Союза и России.

На мой взгляд, российскому Съезду народных депутатов следовало бы принять прямо противоположное решение: обратиться к союзным и автономным республикам с предложением о новом союзном договоре, заявить от имени России о безусловном уважении их права на самоопределение, но вместе с тем призвать не разрушать СССР. Однако даже если дни Союза сочтены и ему суждено «кануть в Лету», менее всего я хотел бы быть членом почётной комиссии по организации похорон, а тем более произносить при этом здравицы усопшему. Вот почему, будучи сторонником расширения суверенитета России, я не мог голосовать «за» ее «независимость» ... от самой себя.

* * *

Статья была написана сразу после 12 июня 1990 г., однако в печати опубликовать её не удалось. Содержание статьи — очередное свидетельство справедливости известной формулы о том, что нельзя «жить в обществе и быть свободным от общества». Понимая смысл происходящего, автор тем не менее не был вполне свободен от стереотипов времени. Замечу, впрочем, что Декларацию о государственном суверенитете («независимости») России тогда не поддержали всего 13 народных депутатов.

До сих пор помню то тяжелое психологическое состояние, которое пережил после 12 июня. Наверное, каждый человек в той или иной степени конформен (внушаем), а психологическое давление массы людей («толпы») в подавляющем большинстве случаев оказывается выше логики, разума и даже здравого смысла. Спустя несколько лет мне пришлось услышать от народного депутата, бывшего первого секретаря обкома КПСС, проголосовавшего за «независимость» России: «Что я наделал! Я собственными руками отправил за границу и сделал иностранцами многих своих родственников!» К счастью, меня чаша сия миновала, как, впрочем, и многие другие. Не в последнюю очередь благодаря ясному теоретическому пониманию того, что именно происходило тогда со страной и к каким последствиям все это могло привести, а в конце концов и привело.

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖЕН «ТРЕТИЙ ПУТЬ»

1. Азбука политологии: испорченный компас

Публикуемый сегодня документ нуждается в некоторых пояснениях. Первое из них связано с тем, что, несмотря на всю нашу гласность на грани свободы слова, а может быть, благодаря ей, общественное сознание не только приоткрывает истину, но и меняет прежние ложные стереотипы на новые. В таких условиях приходится вновь разъяснять азбучные истины научной политологии, известные всему цивилизованному миру, но забытые в нашей стране, в очередной раз пытающейся изобрести велосипед.

Так случилось, например, с исходными политическими ориентирами, когда наша нарождающаяся демократия подобно малому ребенку не смогла различить, где у нее какая рука. В СССР, как известно, политиков делят обычно на «демократов» («левых») и недемократов («правых»), тогда, как на Западе сторонниками политической демократии являются практически все сколько-нибудь значимые течения: от неоконсерваторов до коммунистов, за исключением крайне правых и крайне левых. В таких условиях совершенно очевидно, что сами демократы бывают как левыми, так и правыми, причем различие между теми и другими определяется, конечно, уже не отношением к демократии, а их социально-экономической программой, т. е. позицией по вопросу о социальном равенстве или неравенстве, а значит, и о собственности. Чем больше та или иная партия стремится к равенству, тем она левее и наоборот. При этом характеристика «левее» совсем необязательно несет в себе положительную оценку, «правее» — отрицательную.

До недавнего времени и мы не сомневались, что «военный коммунизм» — это ультралевая политика, поскольку идея социального равенства была доведена до логического конца, до абсурда, и внедрялась с помощью насилия, и поэтому это плохо; НЭП — гораздо более правая политика, но более реалистическая, и это хорошо; сталинский перелом — вновь зигзаг в сторону левого радикализма, перестройка же — вновь вправо и т. д. Именно такой подход находим еще в известной статье Андрея Нуйкина «Идеалы или интересы» (1988 г.). В интервью западным средствам массовой информации наши «левые радикалы» и сейчас правильно определяют свои позиции.

Однако внутри страны абсолютное большинство политических лидеров, включая таких, как М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, закрывают глаза на то, что общество попало в «королевство кривых зеркал» и, похоже, склонны, скорее, издать декрет о признании левой руки в качестве правой, нежели вернуть народу нормальную политическую ориентацию.

Почему же возникла подобная аберрация политического зрения? Думаю, тому есть три причины. Во-первых, крайне левые и крайне правые имеют немало общего. Например, те и другие готовы применять насилие для достижения поставленных целей. Не зря говорят, что, если очень далеко идти налево, обязательно выйдешь справа.

Отечественные консерваторы, следовательно, не потому, дипломатично выражаясь, не являются почитателями демократии, что они правые, а напротив, потому, что они чрезмерно левые. Во-вторых, в политике советского руководства очень долго сочетались слишком левые (уравниловка) и откровенно правые (привилегии для правящей элиты) тенденции, а среди правых лозунгов радикалов (неограниченная частная собственность и социальное неравенство) встречаются и левые (ликвидация все тех же привилегий), вплоть до необольшевистских, близких к «грабь награбленное»! В-третьих, очевидно, мы имеем дело также с низким уровнем политической культуры и сознательным желанием использовать десятилетиями насаждавшиеся стереотипы: левые — те, кто за народ, хорошие, правые — против.

К чему приводит подобная путаница, легко проиллюстрировать на примерах. Так, в массовом сознании не только В. И. Ленин — левый радикал, но и ненавидящие его Ю. Афанасьев и В. Новодворская — тоже левые радикалы. Спрашивается, чего же они не поделили? Для англичан М. Тетчер — безусловно, правый политик, у нас ее сторонники считаются левыми. Так куда же мы все-таки движемся?

На одной из встреч избирательница, спрашивая меня о здоровье уважаемого в Омске народного депутата, просила передать ему привет и прибавила: «Мы любим таких...» (далее шла похвала, которая может быть понята двояко, поэтому я ее не воспроизвожу). Однако, разбирая вопрос о рынке, мы вскоре выяснили, что политические позиции

избирательницы и депутата противоположны. Он — сторонник не-ограниченного развития частной собственности, она — противник любых ее форм. Поистине такую любовь можно было назвать метафизической тайной, если бы она не объяснялась элементарной политической необразованностью. Уверен: пора перестать чудить и возвращаться к принятым во всем мире представлениям, иначе можно уподобиться героям известного анекдота, которые после дружеской пирушки вместо Ближнего Востока попали на Дальний и удивились, почему у израильтян совсем не тот разрез глаз. Если стрелка компаса вместо севера показывает на юг, подобных ситуаций не миновать.

Анализ расстановки политических сил в стране — особая большая тема. Пока лишь замечу, что, согласно принятому во всем мире пониманию, левыми радикалами в СССР являются, например, Нина Андреева, желающая вернуться к несколько улучшенной сталинской модели, или партия диктатуры пролетариата. Напротив, партия «Демократический союз» праворадикальна не только потому, что требует сделать частную собственность преобладающей перед всеми другими ее видами, но и потому, что с противоположных политических позиций нередко заимствует большевистские лозунги и методы (не случайно ее называют «зеркальной партией»). Либералы же, т. е. сторонники равноправия всех форм собственности, включая частную с наемным трудом, занимают позиции несколько правее центра. В опубликованном нами документе приведены и некоторые другие критерии, позволяющие различать существующие у нас политические течения.

Здесь я расстанусь с позицией беспристрастного политического комментатора и перехожу к изложению собственного взгляда на происходящие у нас процессы.

2. Борьба элит

Читатели, знакомые с романом Джорджа Оруэлла «1984», помнят, наверное, рассуждения автора о механизмах исторического развития. Любое общество, согласно Оруэллу, подразделяется на три класса: элиту, средний и низший, взаимоотношения которых и определяют ход событий. На определенном этапе внутри среднего класса вызревает новая элита, которая привлекает на свою сторону низший класс, сбрасывает прежнюю элиту и становится на ее место и т. д.

Схема не лишена недостатков, но заслуживает внимания, а, самое главное, кое-что объясняет и в нашей действительности.

В самом деле, стержнем политической жизни в настоящее время является борьба двух основных направлений или блоков. Первый — консервативный (если угодно, блок леворадикальных консерваторов) требует возвращения к блаженным сталинским (либо послесталинским) временам, вольно или невольно защищая тем самым интересы одряхлевшей бюрократической элиты. Второй — правый, устами Валерии Новодворской и, увы, многих талантливых интеллигентов предлагает возвращаться еще дальше назад, к 1916 году, хотя бы и ценою 100-летнего отставания. За позицией этого блока легко увидеть интересы тех, кто рассчитывает, сбросив старую элиту, стать у кормила власти, прежде всего, крупных дельцов «теневой» экономики. Именно они под лозунгом «равных возможностей» стремятся получить полную свободу умножения накопленных капиталов. Поскольку оба блока зовут в прошлое, их междоусобная борьба подобна борьбе мамонтов с динозаврами. О том, что каждый из этих путей угрожает стране национальной катастрофой, а, возможно, и гражданской войной, мне уже приходилось писать (см.: «Вечерний Омск». — 1990. — 3 марта). Сейчас добавлю лишь одно: любимые мною деятели культуры, призывающие страну назад в 1916-й, надеюсь, невольно уподобляются Ивану Карамазову, который провоцирует Смердякова на преступление: в истории смена общественных формаций никогда не происходила в условиях гражданского мира, а переход от административно-бюрократической системы к первоначальному капитализму наверняка не обойдется малой кровью. Не случайно в последнее время именно либеральные публицисты так сильно затосковали по «твердой руке», по генералу Пиночету и его южнокорейским коллегам.

Однако пора внести в схему Джорджа Оруэлла и коррективы: думаю, формирование новой элиты в советских условиях будет идти не столько путем вытеснения (европейский вариант), сколько путем сращивания ее с прежней (вариант афро-азиатский). В самом деле, спросим себя, кто в условиях административно-бюрократической системы имел больше возможности обогатиться незаконным путем? Ответ, думаю, очевиден: там, где «несун»-рабочий пользовался карманом или рюкзаком, вор-начальник — машиной. Так что среди новых господ, уверен, будет немало старых знакомых. Венгерские специалисты ожидают, что в процессе приватизации большинство мелких магазинов и предприятий купят их бывшие директора. Поэтому когда либералы и более правые партии представляют себя противниками бюрократии, это в лучшем случае самообман.

Итак, при всей междоусобной борьбе сторонники обоих путей защищают элитарные интересы. За оба пути народу придется заплатить непомерной ценой. Но есть третий путь — путь наименьших потерь, контуры которого обрисованы в предложенном проекте. Очень важно, чтобы сторонники этого пути, которые хотят действительной свободы для всех, для которых новая элита ничем не лучше старой, нашли друг друга и попытались, пока не поздно, предотвратить ожидающие страну социальные потрясения.

Статья опубликована в газете «Вечерний Омск».— 1990.— 23 октября.— С. 2.

КУДА НЕСЕТ НАС РОК СОБЫТИЙ?

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Году в 1989—1990-м эти известные строки Федора Тютчева стали едва ли не общим местом в нашей публицистике. И не случайно: поэт выразил мироощущение российской интеллигенции, которая вот уже лет 200 с традиционным презрением относится к застою и ищет «покой в бурях». Да и время было подходящее: по мере приближения революции иллюзии насчет нового «светлого будущего» росли с той же скоростью, что и желание до основания разрушить «проклятое прошлое».

И вот свершилось. Ныне мы переживаем одну из самых роковых минут отечественной истории XX века. Что ж, читатель, ощущаете ли вы себя пирующим вместе с всеблагими богами? Лично мне представляется, что оказались мы больше на балу у сатаны. Правда, орудует здесь не благородная, хотя и жутковатая компания Воланда, а скорее герои песенки Высоцкого:

Там такие злые бесы —
Чуть друг друга не едят.

Какие бы громы и молнии ни метали нынешние революционеры, все еще именуемые демократами, по адресу революционеров прежних (большевиков), те и другие вынуждены действовать по аналогичным законам, хотя и в противоположных целях. А законы революции суровы. Один из них состоит в том, что она пожирает своих детей, и это относится не только к людям (современный пример — Михаил Горбачев), но и к идеям, лозунгам. Вспомним, как прекрасно мы начинали: «Власть — Советам!», «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Достойный уровень жизни — всем!», «Социальная справедливость, а не бюро-кратические привилегии!» и т. д. и т. п. и пр. Ну почти как в 17-м. Ныне те же люди требуют «просвещенного» авторитаризма (т. е., по-русски говоря,

полудиктатуры), призывают легализовать «теневую» экономику и продать ей предприятия с аукционов, объявляют требование социальной защиты населения главным тормозом реформы и уже отняли у старой номенклатуры власть вместе с привилегиями.

Для многих это стало полной неожиданностью, и не только для так называемых «простых» людей (хотя на самом деле простых людей, конечно, не бывает). Вспоминаю, как зимним московским вечером мы шли от российского Белого дома к метро вместе с известным питерским депутатом либерального направления. Этот приличный порядочный человек, одно время живший в Омске и немало потерпевший от прежнего режима, был в полном шоке от принятого незадолго до того президентского Указа об объединении органов госбезопасности и внутренних дел, чего не было у нас со времен Берии. «Да что же это такое происходит?» — горестно спрашивал меня, депутата оппозиции, мой собеседник, член правящего блока. — «Только и было радости, когда путч сорвали. Да и то на следующий день на митинге уже противно стало. Куда же это мы идем?»

Я попытался дать коллеге собственные ответы на любимые вопросы русской интеллигенции. Хочу предложить их и вам, читатель. Вряд ли мое понимание ситуации и прогнозы покажутся убедительными для всех, и уж никак не могу рассчитывать, что кого-то обрадую. Но ведь еще Гете сказал: «Истина сама исцеляет зло, которое причинила».

«Но с какой стати я должен верить на слово очередному претенденту быть пророком в своем Отечестве?» — спросит читатель и будет прав. Ответить на это можно лишь одно: попросить прочесть прошлые прогнозы и сравнить их с сегодняшней реальностью. Вот хотя бы статья «Куда ж нам плыть? Размышления у придорожного камня истории», опубликованная «Вечерним Омском» 3 марта 1990 года за день до выборов народных депутатов России. В ней можно прочесть, что страна наша, подобно былинному витязю, оказалась на распутье. Причем один путь ведет назад, к бюрократическому социализму, другой — к первоначальному бюрократическому капитализму, и только третий — к цивилизации, которая способна соединить демократию с социалистическими идеями, выдержавшими испытание общественной практикой. Статья предостерегала от опасного стремления в очередной раз разрушить все до основания, напоминала, что в этом случае страна политически и экономически окажется не в Америке или в Европе, а в Азии или Африке и что попытка вернуться в 1916-й грозит новым семнадцатым или тридцать седьмым. Заканчивалась статья строками Юрия Кукина:

И сердце рвется на три части,
Щемит в груди:
Три счастья или три несчастья
Там, впереди?

Увы, это предостережение не сработало, как, впрочем, и все другие. И теперь мы знаем: впереди несчастья, только не три, а четыре. Первое — обнищание народа в результате «шоковой терапии»; второе — смена административно-бюрократического социализма криминально-бюрократическим капитализмом; третье — разрушение союзной и угроза разрушения российской государственности; четвертое — угроза нового авторитаризма.

«Урезать — так урезать?»

Уважаемый читатель! Когда Вы держите в руках этот альманах, Вам, наверное, известно, чем закончился грандиозный российский эксперимент под названием «шоковая терапия». Наступило, как говорят, время «собирать камни». Мне же, пишущему эти строки, еще многое неизвестно. Камни разрушаемого здания прежней общественной системы продолжают разбрасывать с веселой злостью, думая, что отряхивают со своих ног прах старого мира.

Когда Президент России сменил обещание лечь на рельсы, чтобы не допустить повышения цен, на лозунг их всеобщей либерализации, часть населения вздохнула даже с облегчением. Люди настолько устали от ожидания обещанных реформ, что готовы были

уже на все: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Увы, конец не наступил, просто ужас сменился кошмаром.

Не буду утомлять читателя цифрами и еще раз рисовать известную всем картину массового обнищания населения и деградации вне рыночных сфер (медицины, образования, науки, культуры)— тех самых сфер, которые, по всеобщему признанию ведущих экономистов и социологов, определяют будущее нации. Кстати, отец экономического российского «чуда — наоборот» Егор Гайдар в бытность свою сотрудником «Правды» и «Коммуниста» мыслил также и был совершенно прав. Скажу коротко: по данным омской статистики начиная с 1989 года, а в период «шоковой терапии» — в особенности все показатели социального благополучия общества (уровень потребления, рождаемость, прирост населения, продолжительность жизни и т. п.) резко пошли вниз, а все показатели социального неблагополучия (смертность общая и детская, заболеваемость, преступность и др.) — вверх. То же самое с небольшими вариациями характерно и для других областей России.

Оглушенному и потерявшему ориентиры обществу предлагаются две основные версии, два истолкования постигших его бед. Версия первая — проправительственная. Суть ее проста: реформа Ельцина — Гаидара необходима тяжелобольному обществу как «горькое лекарство» или как тяжелая операция. Многие публицисты предпочитают именно второй вариант, настаивая на том, что «шоковая терапия» применялась в Польше, а наша болезнь более запущенная и потому требуется скорее «шоковая хирургия». Однако, потерпев год-другой, мы «выздоровеем», «войдем в цивилизацию» и заживем припеваючи. Многократно хваленое правителями и воспетое идеологами прошлых эпох долготерпение русского народа — едва ли не главная ставка приверженцев этой версии.

Версия вторая — «фундаменталистская»: все так плохо только потому, что реформы идут слишком медленно. Далее возможны разные варианты: от сравнительно редких обвинений в медлительности самого Президента России до наиболее популярных поисков «подпольных обкомов» и всякого рода врагов, мешающих проведению реформ.

Думаю, опыт который, как известно, «сын ошибок трудных», скоро покажет, что доля истины в обеих версиях ничтожна. Не потому мы бедствуем, что реформ без бедствий не бывает, и не потому, что они идут слишком медленно, а потому, что идут не так и не туда — и чем быстрее, тем хуже. Чтобы показать это, нам придется, однако, несколько углубиться в теоретические рассуждения.

Передо мною доклад группы английских парламентариев и экспертов от лейбористской партии. Доклад имеет характерное название: «Почему «невидимая рука» российского Правительства указывает не в ту сторону». Вот некоторые выводы авторов:

«Нынешняя политика, проводимая российским Правительством, не может быть успешной — она противоположна той, которая необходима для успеха. С теоретической и технической точки зрения попытка внедрить полную либерализацию цен в монополизированной экономике неизбежно приведет к инфляции и краху внутреннего рынка, а не к экономическому росту. Такая политика является губительной, так как, благодаря реформам экономики, доминирующим рынком для России должен быть внутренний национальный рынок. Разрушение потребления ведет к волнениям населения и к опустошительному сельскохозяйственному кризису. Высокая норма процента приведет к душению мелких производителей. Авторитарные политические решения с необходимостью будут сопровождать этот процесс. Низкая зарплата и авторитарные политические решения в России и бывшем СССР несут угрозу дестабилизации западноевропейцам.

Необходима политика, противоположная политике нынешнего Правительства. В качестве двигателя экономического развития должен рассматриваться внутренний рынок и в особенности массовое потребление. Чтобы достичь этого, необходимо поддерживать реальную заработную плату. Защита должна быть обеспечена и сельскохозяйственным производителям. Необходимо проводить политику низкой нормы процента для поддержания потребления и помощи мелким производителям. Низкая норма процента требует сохранения валютного контроля и постепенного, а не мгновенного, движения к

конвертируемости рубля. Экономическая основа для консолидации демократии в России лежит в обеспечении внутреннего рынка.

Демократическая Россия со стабильной национальной экономикой, а не экспортной ориентацией за счет низкой зарплаты, может быть мощным, но не угрожающим партнером для демократии Западной Европы».

Нельзя не согласиться с выводами авторов доклада в том, что реформы по модели «шоковой терапии» обречены в России на неудачу уже по одним только экономико-географическим причинам. Эта модель отработана в основном на малых и средних странах, и там ее жесткие методы имеют, по крайней мере, некоторый смысл. После того, как в результате «либерализации» цены взлетают до небес, а жизненный уровень падает ниже всяких норм, создаются крайне выгодные условия для вложений иностранного капитала. Этот капитал, естественно, устремляется в страну, где рабочая сила почти ничего не стоит. Однако поскольку покупать товары здесь почти некому (население крайне бедно), он создает отрасли производства, ориентированные на экспорт. Опыт показывает, что в малых и средних странах эти отрасли могут давать до 40—50% национального производства. Полученная от экспорта валюта частью идет на покрытие долгов, частью же на «лечение» самого «больного». Жизненный уровень населения поднимается до более или менее приемлемой отметки. Так не раз бывало в Латинской Америке и Азии, хотя отнюдь не везде кончалось благополучно. В России так быть не может.

Во-первых, в крупных государствах, к каким принадлежит и наше Отечество, экспортные отрасли могут давать не более 8—10% национального производства (показатель США), чего, может быть, хватит для выплаты части долгов, но отнюдь не для обеспечения собственных граждан. Следовательно, обнищание российского населения — процесс не только крайне тяжелый с точки зрения социальных и культурных последствий, но и бесполезный экономически. Для развития национального производства в России нужен емкий внутренний рынок. Нищее население такого рынка обеспечить не может. Следовательно, поддержание приемлемого уровня жизни — это императив не только гуманной политики, но и самой же экономики.

Во-вторых, в современном мире не так много свободных капиталов, как об этом любят говорить российские политики. Специальный анализ, проделанный теми же лейбористскими экспертами, показал, что в последние десятилетия США ввозили капитала больше, чем вывозили (800 млрд. долларов за 80-е годы). То же самое относится к Западной Европе, за исключением, пожалуй, Германии, которая занята ныне обустройством своих восточных земель. Единственным крупным вкладчиком капитала в российскую экономику могла бы стать Япония. Однако этому мешают, с одной стороны, территориальные претензии японцев на Южные Курилы, а с другой — тот факт, что Япония стала основным поставщиком капитала для Соединенных Штатов. Если она перестанет вкладывать капитал в США и направит его в Россию, это неминуемо вызовет острое столкновение в японо-американских и российско-американских отношениях.

Следовательно, и этот «кит» экономической стратегии Правительства Ельцина — Гайдара,— надежда на то, что «Запад нам поможет», представляет собой битую карту, очередную политическую иллюзию революционной поры. Несомненно, мы должны быть благодарны миллионам средних американцев и немцев, которые отправляют в Россию посылки с гуманитарной помощью. Но столь же несомненно, что эти посылки не могут решить российских проблем и что крупные западные корпорации и государства будут в дальнейшем помогать России лишь постольку, поскольку это будет соответствовать их собственным интересам. Иначе говоря, помогать прежде всего самим себе.

Итак, трагическая ошибка (если это ошибка) неопытных российских «шокохирургов» состоит в том, что они провели «операцию» без учета размеров общественного организма, да и характера болезни тоже. В итоге вместо воспаленного аппендикса нам удалили изрядную часть желудка — и тяжело, и больно, и все зря. Как тут не вспомнить репризу Аркадия Райкина: «Урезать — так урезать», — сказал японский генерал, делая себе хакари.

Само Правительство в последних прогнозах признает, что сбалансировать бюджет

вряд ли удастся, а нижняя точка падения придется не на 92-й, как многократно обещали, а на 93-й год. Что же касается критиков правительственного курса, то, по их мнению, на мой взгляд обоснованному, после «шоковой терапии» нам потребуется восстановительный период, как после небольшой войны.

В политике, однако, ошибки редко бывают случайными. За каждым политическим курсом обычно стоят определенные общественные группы, которые либо прямо заставляют Правительство проводить этот курс, либо имеют интересы, с ним объективно совпадающие. Здесь-то, уважаемый читатель, мы и подошли к необходимости понять характер того процесса смены типа общественной системы, который происходит сейчас в России.

«И рай настанет не для нас...»

Согласно теории классиков политической науки XX века М. Вебера, В. Паретто, Г. Моска, современные демократии сводятся к праву выбора элиты, ее замены. Именно это и происходит с нами сейчас: старую бюрократическую элиту, элиту кресла, должности сменяет новая (не столько по составу, сколько по характеру) — элита богатства, денег и т. п. Эта элита, как всякая более молодая, превосходит свою предшественницу энергией, решительностью, пожалуй, образованием, но вместе с тем так же и алчностью, «бескорыстной» любовью к деньгам и т. п., не уступая ей в аморальности и пренебрежении к людям иного круга. Будет ли эта элита управлять эффективнее прежней, выяснится лишь со временем?

Не претендуя на окончательную истину, можно сказать иначе и точнее: в стране происходит буржуазная революция. В этом пункте я согласен с Юрием Афанасьевым и другими честными правыми, имеющими мужество назвать вещи своими именами. Однако дальше нужно уточнить: революция не западного, буржуазно-демократического, а восточного, буржуазно-бюрократического типа.

Сценарии таких революций хорошо известны из истории стран Азии и Африки, избравших в свое время путь социалистической ориентации. При отсутствии или ограничении демократии в таких странах происходила, с одной стороны, бюрократизация, а затем и перерождение правящих групп, а с другой — формирование нелегального или полуполюгального капитала по преимуществу торгово-ростовщического характера. Обе эти группы срачивались между собой и совершали политический переворот, мирный или вооруженный — в данном случае неважно. Поскольку господствующие позиции в экономике при этом занимал не цивилизованный (производительный), а бюрократический капитал, не могу припомнить ни одной страны, которая бы после такой «революции» добилась сколько-нибудь впечатляющих экономических успехов.

Аналогия с ситуацией в бывшем Советском Союзе вполне очевидна. Сейчас многие экономисты и социологи, причем не только левого, но и весьма правого толка, отмечают, что за «командные высоты» в экономике борются в основном две силы: «бюрократы» и «теневики». В любом случае финал известен: криминально-бюрократический капитализм. Победят «бюрократы» — будет чуть более бюрократический и чуть менее криминальный; победят «теневики» — наоборот.

Здесь я, рискуя вызвать гнев читателей, должен сказать несколько слов в апологию перекрашивающихся старых бюрократов (тоже ведь «твари божьи»). Их на чем свет критикуют сейчас и левые, и правые, причем со стороны правых подобная критика представляется мне противоестественной. Слов нет, с точки зрения моральных оценок все верно: грустно и смешно смотреть на людей, которые вчера клялись незамутненными идеалами коммунизма, а сегодня «рвут» в частные структуры, обгоняя порой даже лидеров «демороссов». Но спрашивается: могло ли быть иначе? Если господа, пришедшие к власти, стремятся как можно быстрее создать себе социальную опору в лице крупных собственников, то кто же иной, кроме «теневиков» и «бюрократов» может создать этот слой? Читателю, который в этом сомневается, я рекомендую пойти на аукцион и купить магазин или, на худой конец, квартиру. Гарантирую, что для девяноста с лишним

процентов этот «виноград» окажется «зелен».

Уверен, никакого «либерального» капитализма у нас нет и быть не может. Сделав ставку на классическую частную собственность, новая власть, даже если она этого не хотела, обречена получить капитализм азиатского, бюрократического типа. У «теневиков» — деньги, у «бюрократов» — власть. Деньги хотят получить власть; власть имущие хотят денег. Несомненно и то, что именно бюрократы имеют опыт, связи, производственные и управленческие навыки, т. е. то, что необходимо собственнику. Кому же еще становиться новыми хозяевами жизни? Правда и то, что говорит убежденный «западник» Анатолий Стреляный: никакому народу не по силам взрастить две элиты; человек, который при административном социализме дослужился до секретаря райкома, при капитализме не может не процветать. И наконец официальная пропаганда без устали твердит нам, что только предприниматель — это «главный труженик», «настоящий мужчина», «единственная наша надежда», «спасение России» и т. д. и т. п. и пр. Чего ж мы удивляемся, если люди, которые привыкли считать себя «солью Земли», опорой общества, хотят и при новом режиме сохранить это положение.

Нет, превращение старых бюрократов в новых крупных собственников — это результат не их «порочной природы», а главным образом, неверно выбранного курса. Господам, которые призывают заменить монополию государственной собственности монополией частной, надо не клеймить бюрократическую приватизацию, а радоваться, что есть люди, которые откликаются на их призывы. Надо быть детски наивным или беспредельно лживым, чтобы надеяться убедить кого-то будто то, что позволено «быку», не позволено «Юпитеру». Думаю, это хорошо понимают и сами авторы газетных агиток.

Смысл же подобной пропаганды состоит лишь в том, чтобы посеять очередные иллюзии, будто результаты правительственного курса так плохи лишь потому, что его извращают бюрократы. На самом деле, смена старых бюрократов при сохранении прежнего курса приведет лишь к замещению их «теневиками» и едва ли «новая редька» будет слаще.

Правда, есть другой путь — путь к рынку на основе по преимуществу народных предприятий. Хотя этот путь гораздо больше соответствует национальному менталитету (духу «соборности») и народным представлениям о справедливости, его стараются либо оболгать, либо не вспоминают вовсе. Интересный пример на эту тему — одно из выступлений Леонида Радзиховского, прозвучавшее по «Радио России» в конце октября 1991 года. До этого выступления я считал Л. Радзиховского нестандартно мыслящим психологом, но весьма стандартным политическим агитатором, однако либо ошибся, либо пришло время политической откровенности. Л. Радзиховский вспомнил по случаю известный сюжет из вольтеровского «Кандида», который в его вольной передаче выглядел приблизительно так. Кандид говорит героине: «Мне приснился ужасный сон, как будто Вы попали в плен к пиратам, там Вас изнасиловали и вдобавок отрезали половину зада» (прошу прощения у читателя за грубость вольтеровского слога). Героиня отвечает: «Это не сон. Все так и было на самом деле. Но от этого не умирают».

Вся эта история была приведена Л. Радзиховским для того, чтобы сделать такой вывод: да, мы переходим к капитализму. Этот капитализм будет ранним, «диким», жестоким, антигуманным, несправедливым, но... от этого не умирают!

Вообще говоря, я уважаю людей, имеющих мужество говорить правду, независимо от их политических позиций. Во всем согласен с Леонидом Радзиховским. Не могу понять только одного: почему мы безропотно смирились и даже жаждем попасть в плен к пиратам, быть изнасилованными, ну и всего остального, что случилось с вольтеровской героиней? Парадокс состоит в том, что, рассуждая о «нормальной» экономике и возвращении к «нормальной» жизни, господа — единомышленники Л. Радзиховского — ведут Россию не на столбовую дорогу мировой цивилизации, а на ее «скотный двор». К столбовой дороге после этого придется прорываться еще несколько десятилетий через «Авгиевы конюшни» первоначального капитализма. Да и удастся ли прорваться — неизвестно: ведь разрыв по производству на душу населения между странами современного «социализированного» и азиатско-бюрократического капитализма не сокращается, а растет. А может быть, эти

господа и не будут прорываться? Может, и так понравится? Криминально-бюрократический капитал и без того получит блага и льготы, а остальных можно призывать: терпите, терпите, снова терпите, еще 70 лет!..

Не менее чем лозунг «возвращения в цивилизацию» претерпела метаморфозу и другая благородная демократическая идея периода перестройки — намерение преодолеть отчуждение человека от собственности, сделать его хозяином. Слов нет, это действительно необходимо. Но почему-то при этом вспоминается известный анекдот эпохи «застоя». Делегат XXVI съезда КПСС возвращается домой в свой северный край. Ему, естественно, устраивают встречу с народом и, разумеется, расспрашивают о том, что он слышал и видел на съезде. На это наш сын дикой природы и простая душа отвечает: «Я слышал: главное — все для человека, все на благо человека! И я даже видел этого человека!». Конечно, подразумевался незабвенный товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Так и я сегодня хочу спросить о том, какого именно человека хотят сделать хозяином: министерского чиновника, который становится руководителем концерна? Денежного магната, нажившего деньги на финансовых махинациях и почти наверняка дававшего взятки тем же чиновникам? Либо работника предприятия, вместе с другими работниками ставшего его совладельцем, через Совет коллектива управляющего предприятием, нанимающего директора и других квалифицированных менеджеров и т. п.? Есть силы, выступающие за первый вариант (например, «Научно-промышленный союз»); есть сторонники второго (большинство лидеров партий «Демократической России»); есть и приверженцы третьего («Союз трудовых коллективов», формирующаяся Партия Труда). Призывать же просто, сделать человека хозяином, не уточняя, о каком именно человеке идет речь, — значит лукавить и не более того. Ведь совершенно очевидно, что каждая система под «человеком» понимала представителя правящей в ней элиты: административно-бюрократический социализм — «ответственного работника», высокопоставленного «управдома»; наступающий криминально-бюрократический капитализм — нувориша, либо того же «управдома», в отличие от «великого комбинатора», перекавалифицировавшегося в миллионеры.

И, наконец, еще об одной поразительной метаморфозе. Новая (точнее, перекрашенная) правящая элита старательно наклеивает на всех приверженцев более или менее левых убеждений ярлык «Шариковых». Конечно, у нас были, есть и будут сторонники «разделительного» социализма. Но по злой иронии судьбы сейчас на политической арене доминируют своего рода «шариковы» наизнанку, т. е. сторонники «разделительного» капитализма. Я имею в виду не только растаскивание союзной собственности республиканскими бюрократиями, но и российский Закон о приватизации. Его экономические минусы очевидны: раздав всем инвестиционные книжки на определенную сумму, дающие право на приобретение акций, придется выплачивать дивиденды по этим акциям «живыми» деньгами, а это подхлестнет и без того галопирующую инфляцию; превращение крупных предприятий в собственность огромного числа мелких акционеров, не способных к самоуправлению уже из-за своей многочисленности, сделает директоров и других хозяйственных руководителей по существу бесконтрольными хозяевами этой собственности.

Подобный раздел сам по себе никак не стимулирует экономическую эффективность и производительность труда и т. д. и т. п. и пр.

Спрашиваю одного из депутатов «Демократической России»: «Зачем вы приняли такой неграмотный Закон? Ведь была же у вас программа Шаталина с ее принципом: все продать! Конечно, программа явно несправедливая, но экономически более грамотная?» И слышу в ответ: «Конечно, программа Шаталина была лучше, но если бы мы стали все продавать, начались бы забастовки, а так все будут довольны, каждый получит свое, но акции все равно скоро окажутся в руках самых умных и предприимчивых». Разумеется, он прав. Пенсионеры, домохозяйки, просто малообразованные люди, не знающие, что делать со свалившейся на них «бумажной» собственностью, а, главное, — бедные моментально распродадут свои инвестиционные книжки за «живые» деньги, которые в условиях «шоковой терапии» оказались уже не в избытке, а в дефиците.

Вообще история со всеобщим дележом государственной собственности чем дальше, тем больше напоминает мне старую сказку о лисе и медведях, которые делили сыр. В самом деле, внимательный читатель, конечно, не забыл, что еще руководство Ельцина — Силаева обещало выдать каждому инвестиционную книжку на 7—8 тысяч рублей. В период кампании по выборам Президента России называлась цифра и в 10 тысяч. За полгода «шоковой терапии» цены, по подсчетам Павла Бунича, выросли в 15 раз; по другим подсчетам — в 30. И что же? Президент Ельцин и глава Госкомимущества Чубайс по-прежнему обещают гражданам инвестиционные счета по 7—8 тысяч рублей, иначе говоря, на сумму, составляющую 3—6% прежних обещаний. А кому же достанутся 94—97% собственности, которой прежде собирались нас осчастливить? Ответ очевиден: криминально-бюрократическому капиталу.

Таким образом, новые «шарики от капитализма» отличаются от прежних только одним герой Булгакова предлагал все отнять, чтобы поделить, эти решили все поделить, чтобы потом отнять. Думаю, после этого читатель сам может судить, для кого уже настал или скоро настанет «рай» при новом режиме.

«Поднявший меч на наш союз...»

Пожалуй, из четырех названных в начале этой статьи социальных несчастий, которые постигли наше Отечество, самое большое — это разрушение государственности, Советского Союза. Во всяком случае ни борьба за хлеб насущный, ни борьба за собственность, ни борьба «за» или «против» демократии не вызывали до сих пор столь тяжелых социальных потрясений с такими большими человеческими жертвами, как конфликты на национальной почве. И если 3—4 года назад острословы еще позволяли себе шутки насчет обострившейся в Советском Союзе дружбы народов, то в наши дни все это звучит откровенным кощунством. Сводки о боевых действиях на территории бывшего Союза стали обычным делом. Содружество Независимых Государств чаще напоминает «совражество», да и на территории самой Российской Федерации существует не один «пороховой погреб» (например, Северный Кавказ). И вполне естественно, что по мере того, как развеиваются революционные иллюзии и спадает с глаз пелена эйфории, все чаще приходится слышать от соотечественников еще один сакраментальный российский вопрос: как это все случилось?

Две версии разрушения Советского Союза являются столь же распространенными в общественном сознании, сколь и поверхностными: версия распада последней империи и версия заговора врагов России.

Идеологический штамп, согласно которому Советский Союз был империей, настолько прочно вбит в массовое сознание, что им пользуются даже специалисты, прекрасно понимающие, мягко говоря, условность такого представления. Вспоминаю одну из публичных дискуссий видных политологов. Ее участники дружно называли Союз империей, но вынуждены были постоянно оговариваться, что эта империя необычная: Россию очень трудно признать метрополией, ибо она отдавала немалую часть своего национального дохода другим республикам, а, по крайней мере, Украину и Белоруссию невозможно признать колониями, ибо они имели более высокий уровень жизни, чем «метрополия». Мой вопрос: имеет ли в таком случае термин «империя» хоть какой-нибудь смысл? — остался на этой дискуссии без ответа.

Никакой критики не выдерживает и другой вариант той же версии: будто все республики, включая и Россию, были колониями некоего «Центра». Он вообще сильно напоминает мне историю из гоголевской повести, в которой нос майора Ковалева совершал свои собственные похождения независимо от хозяина. Ведь каждому школьнику известно, что империи без метрополии не бывает, и что метрополией в империи может быть только государство, но отнюдь не правительство или ведомство.

Люди, которые разрабатывали эту версию, много раз публично заявляли: как только ненавистный «Коммунистический Центр» перестанет вмешиваться в дела республик и выведет свои войска, все национальные проблемы решатся сами собой, повсюду

воцарятся мир и благодать; рынок автоматически наладит экономические связи, и все бывшие части «империи» (прежде всего, Россия) пойдут вперед семимильными шагами.

На самом деле и Центр (т. е. Горбачев) давно уже не был коммунистическим, и прогнозы эти подтвердились с точностью «до наоборот». В другой стране это, скорее всего, означало бы полный крах политической и научной карьеры, признание полной профессиональной непригодности такого рода специалистов. У нас же авторы провалившихся прогнозов продолжают считаться авторитетами в области политики или национальных отношений, их назначают на высокие посты в Министерство иностранных дел, на должности советников и представителей Президента.

В действительности Советский Союз представлял собой не империю, а много— и наднациональное государство, подобно тому, как разные варианты таких государств представляют собой США, Великобритания и Индия. Версия же распада последней колониальной империи свидетельствует не столько о недостатке квалификации, сколько об избытке беспринципности у ее создателей. О том, каким социальным силам она послужила, речь пойдет ниже.

Немногим ближе к истине и версия заговора «русофобских» сил. Заговоры, конечно, всегда были и, надо полагать, будут. Но никакой заговор не в состоянии разрушить государство, если для этого нет внутренних предпосылок. Сомневающиеся могут попытаться путем заговора разделить на составляющие, например, Испанию или Швейцарию, а ведь это тоже многонациональные государства.

Подобно версии распада последней империи версия заговора также выступает в двух вариантах. Начнем с первого наиболее одиозного заговора сионистов (в зависимости от уровня культуры различные авторы говорят также о «жидомасонах», «малом народе» и так далее). Разумеется, ни один серьезный политолог не может и не будет отрицать существование международного еврейского капитала (наряду с армянским, китайским и тому подобное), равно как и активную деятельность израильского лобби в Соединенных Штатах (наряду с другими лобби). Однако отсюда вовсе не следует, что этот капитал и это лобби стремились к разрушению Советского Союза (почему не Китая или Индии?) и что эта задача была им по силам. И уж тем более все это не может служить оправданием антисемитизма. Если, например, в Соединенных Штатах в последнее время резко активизировалась российская мафия и даже теснит знаменитую Коза Ностру (ура, мы хоть где-то «ломим»), то это вовсе не означает, что именно российская эмиграция угрожает американской стабильности, а ко всем русским надо относиться, как к мафиозным элементам.

С небольшими коррективами то же самое можно сказать и о другом варианте версии заговора, который в роли могильщиков Союза представляет крупные иностранные державы, прежде всего США. Безусловно, в Соединенных Штатах существует киссинджеровское направление в политике, сторонники которого считают, что Россия всегда останется соперником Америки, независимо от того, какую общественную систему она (Россия) изберет. Безусловно, правящая американская элита не заинтересована в сохранении сильного политического и экономического конкурента и хотела ослабления Советского Союза, но вряд ли она хотела его разрушения. Бывшая великая держава, развалившаяся и кровоточащая, стала едва ли не самым нестабильным регионом в мире и угрожает похоронить под своими обломками не только собственные народы, но также сытый и привыкший к сравнительному спокойствию Запад. Вот почему американцы, сколько было возможно, поддерживали не Ельцина, а Горбачева, призывая российского и других республиканских лидеров к взвешенности и предупреждая общественность об опасности разрушения государства.

Но если не сионисты, не американцы, то кто же он, «поднявший меч на наш Союз»? Думаю, читатель мог сам сделать вывод, если главная идея предыдущего раздела показалась ему заслуживающей внимания.

Разрушение Советского Союза конечно результат комплекса причин, но одна из них и притом едва ли не самая важная упорно замалчивается официальными аналитиками и официальной пропагандой. Ключ к судьбе Союза, как и к нашему социальному будущему,

содержится в понимании происходящей революции как бюрократической, о чем речь уже шла выше. Как печально шутят сатирики, «переворот в стране произошел, но на 360 градусов». Мгновенно преобразившись в антикоммунистов, вчерашние замы вчерашних лидеров КПСС и государственных руководителей не только не избавились от наследия своего бюрократического прошлого, а, напротив, возвели его в квадрат. Даже по официальным данным аппарат центрального управления в Российской Федерации к весне 1992 г. вырос на 15—20% по сравнению с союзным. Интересно, что объясняют это новые лидеры необходимостью заполнить «пробелы», образовавшиеся в результате запрета КПСС.

Специалистам хорошо известно, что бюрократическая структура каждого уровня при первой возможности стремится избавиться от власти «вышестоящих» структур и максимально подчинить себе «нижележащие», замкнуть на себя как можно больше власти. В условиях всеобщего кризиса именно эта борьба между бюрократическими элитами разных уровней и разрушила страну. Президент Ельцин с высоких трибун не раз справедливо говорил о номенклатурном сепаратизме в России. Но, может быть, наиболее ярким примером номенклатурного сепаратизма было именно поведение российского руководства в отношении союзного Центра. Идеологическим обоснованием этого сепаратизма стал миф об обретении Россией независимости.

Вообще-то создание новых мифов в революционную эпоху — вещь столь же обычная, как и разрушение старых, но здесь мы имеем дело с мифом уникальным по своей нелепости и претенциозности. В самом деле, каким самоощущением должны обладать политические лидеры, чтобы всерьез заявить, будто только они дали независимость государству, существовавшему более тысячи лет! Какое «помутнение умов» должно произойти в обществе, чтобы оно поверило таким заявлениям! Если Россия получила независимость, то спрашивается, от кого? Говорят, от горбачевского руководства. Но разве это руководство было немецким или китайским? И как быть с тем, что именно это руководство обвиняли в «русификаторстве», «русском империализме», «оккупантстве» чуть ли не все новые республиканские лидеры, кроме команды Бориса Ельцина?

Не менее нелепо выглядит версия независимости России от Украины, с которой она воссоединилась в результате Переяславской Рады, от Грузии, которая вошла в состав Российского государства по Георгиевскому трактату, равно как от Средней Азии или Прибалтики, которые были Россией завоеваны.

От чего на самом деле стала «независимой» Россия, так это от целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, от 25 миллионов наших соотечественников, превратившихся в иностранцев, от стратегического паритета, от космодрома «Байконур» и Черноморского флота и т. д. и т. п. Кому только на пользу такая «независимость»?

Впрочем, на последний вопрос ответить несложно: на пользу новой номенклатуре, точнее сказать, второму эшелону прежней бюрократической элиты, который ныне пришел к власти. Сменив статус среднеразвитой по мировым показателям державы на положение «Верхней Вольты без ракет», мы оказались впереди планеты всей по количеству президентов и иных высокопоставленных должностных лиц на душу населения. Избавившись от своего прежнего начальства союзного уровня, они получили возможность пользоваться привилегиями, ездить за границу, представлять страну в Организации Объединенных Наций, быть в центре внимания и т. д., и т. п., и пр. От одного водителя я как-то услышал про 12 июня: «Это праздник Ельцина». И действительно «День независимости России» — это день независимости российской номенклатуры от номенклатуры союзной. Именно перед ней, российской номенклатурой, этот день открыл блестящие перспективы. В этом сугубо практическом интересе, а не в недостатке квалификации и состоит причина поразительной слепоты ее аналитиков. Допускаю, что некоторые из них не лицемерили, а были искренни, обещая, что после разрушения Союза мы проживем «долго и счастливо»: просто свое собственное «светлое будущее» они принимали за наше общее. В истории вообще, а в революционные эпохи — в особенности, любая правящая группа стремится представить свой интерес как общенародный, и обычно ей это удается.

Как бы то ни было, одна из величайших драм истории XX века свершилась. И если «зубы дракона» посеяли национальные бюрократии, то «жатва» достается народам. Что же касается политиков и политологов, то они «пишут сценарии», прогнозируют и «выписывают рецепты». Таких прогнозов-сценариев существует, как минимум, четыре.

Первый — официальный: так уж получилось, никто, кроме Горбачева и его «команды» не виноват; конечно, жаль, но зато Россия теперь свободна и независима, а главное — государства бывшего Союза быстро начнут интегрироваться и скоро образуют нечто вроде Объединенной Европы.

Второй прогноз — новодворско-афанасьевский. Он последовательнее и честнее: нормальным признается не только разрушение «империи» — Союза, но и «империи» — России; задача же истинных демократов состоит в том, чтобы не поддаваться «имперской» психологии и не мешать этому процессу.

Третий прогноз-сценарий предлагает радикально-патриотическая оппозиция: поскольку разрушение Советского Союза является антиконституционным преступным актом, можно и должно восстановить незаконно уничтоженную государственность; в противном случае нас ждут неисчислимы бедствия.

Наконец, четвертый прогноз-рецепт предлагает умеренно-патриотическая оппозиция, объединяющая левые группы демократической ориентации. Соглашаясь с радикальными патриотами в оценке последствий ликвидации Союзной государственности, эти группы исходят из признания права народов на самоопределение и считают восстановление Советского Союза в нынешних условиях практически невозможным, хотя и желательным.

Действительно, соглашение в Беловежской Пуще стало тем спусковым крючком, нажав на который, лидеры республиканской бюрократии выпустили в самих себя, а главным образом — в окружающих, целую обойму мин. Часть из них взорвалась, а другие (замедленного действия) еще ждут своей очереди. Уничтожение единого государства с неизбежностью ставит перед его преемниками целый букет проблем: разрыв десятилетиями сложившихся экономических связей; передел политических границ, не совпадающих с границами национального расселения; беженцы (к середине 1992 года — 1,2 миллиона на территории СНГ); нарушение стратегического паритета с Западом. Но и это еще не все. Поскольку как диссидентские лидеры типа Гамсахурдиа, так и политические «оборотни» пришли к власти в республиках бывшего Союза под лозунгами независимости и национального возрождения, их режимы неминуемо должны быть националистически окрашены. В примерах, увы, недостатка нет. Если даже министр иностранных дел «Правительства в России» Андрей Козырев именуется национальной политикой новых эстонских властей политикой апартеида, то прибавить здесь нечего. А ведь Эстония, по нашим понятиям,— это высококультурное государство.

Особенно тяжелым в этих условиях оказалось положение России, внешняя политика которой теперь сплошь и рядом мечется в поисках меньшего из нескольких великих зол. Скажем, в Приднестровье Россия может выбирать между следующими двумя вариантами: либо наблюдать за вытеснением, а то и уничтожением русскоязычного национального меньшинства, посылая для приличия ноты протеста и заслуживая справедливые упреки в предательстве; либо вмешаться в конфликт, теряя своих солдат и заслуживая не менее справедливые упреки в политическом недоумии (как можно, разрушив Союз и изгнав Горбачева из Кремля, не понимать, что теперь имеешь дело с иностранными государствами?). Сказать по чести, мне не жаль новых лидеров: они обязаны были ведать, что творят, и теперь лишь пытаются преодолеть трудности, которые сами перед собою воздвигли. Народы же, которые слепо пошли за национальными элитами, мне жаль, ибо в условиях антидемократической системы они оказались сущими детьми в политике и были обмануты, как дети.

Большинству специалистов, за исключением официальных идеологов, было с самого начала ясно то, что сейчас начинает понимать, кажется, и массовое сознание: СНГ — это мертворожденное образование, которое сплошь и рядом не способно даже цивилизовать процедуру «развода» между бывшими «братскими» республиками. Со временем государства бывшего Союза будут интегрироваться, но в большинстве своем не с Россией:

Прибалтика — со странами Скандинавии, Средняя Азия — с мусульманским миром и тому подобное. В ближайшие годы все это будет сопровождаться насилием и кровью, однако попытка восстановить Союз мало перспективна, ибо этому станут всячески препятствовать национальные бюрократии, за которыми по-прежнему идут широкие слои населения. России в обозримой перспективе придется одновременно решать две плохо совместимые задачи: защищать собственные государственные интересы и интересы своих соотечественников; налаживать добрые отношения со своими соседями, добиваясь более тесной интеграции хотя бы с некоторыми из них. Но делать это должны не те, кто по невежеству или из властолюбия вверг страну в новые беды, не те, кто подобно флюгеру, менял направления каждые несколько месяцев, а то и недель. Это должны быть иные люди с иным уровнем культуры, ясной и осознанной позицией.

Да простит мне Булат Окуджава, но его давно знакомые строки неожиданно приобрели для меня совершенно иное звучание:

Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары.
И я за жизнь его тогда
Не дам и самой ломаной гитары!

Не знаю, о какой жизни говорил поэт, я же имею в виду жизнь в истории, в памяти потомков.

«Пока свободою горим?..»

Осилив все, что написано выше, иной читатель, наверное, укорит автора в мыслях, а может быть, и в газете, примерно в таких выражениях: «Не надо нас пугать! Мы и сами знаем, что цены бешеные, что на границах стреляют, а люди звереют. Но зато ведь мы идем к демократии!» Кто-нибудь, различающий в политике только два цвета, пожалуй, прибавит, что все это «красная пропаганда».

Полно, читатель! А к демократии ли мы идем? Не приходило ли Вам в голову, что шли, да повернули обратно?..

Вспоминаю, как во время защиты выпускных работ по политологии один студент утверждал, будто после августа 1991 года в России наступил этап торжества демократии. Когда же ему и всем присутствующим было предложено аргументировать этот вывод, ни одного примера успехов демократии, кроме срыва попытки государственного переворота, никому привести не удалось. Зато факты противоположного свойства были обнаружены с легкостью: замена выборности руководителей исполнительной власти всеобщим назначением сверху; уже упоминавшаяся попытка объединения органов госбезопасности и внутренних дел; все новые и новые дополнительные полномочия Президента, включая передачу ему многих функций законодательной власти; отказ в регистрации некоторым политическим партиям левой ориентации; монополизация информационных агентств и крайняя тенденциозность информации; невиданная даже во времена загнивания прежнего режима коррупция чиновников; попытки исполнительной власти подмять под себя научные учреждения (например, Российскую академию образования) и провести идеологическую чистку среди государственных служащих и преподавателей социогуманитарного цикла и т. д. и т. п. По существу, с осени 1991 года мы живем в условиях своеобразного чрезвычайного положения, хотя оно и не было объявлено. Геннадий Янаев и его соратники могут быть спокойны: в части урезания демократии их дело «живет и побеждает», правда, теперь мы имеем ЧП без ГК ЧП.

Конечно, проще всего было бы объяснить это склонностью, к авторитаризму и другими личными особенностями новых лидеров, тем более, что поводов к тому они дают более чем достаточно. Сравним хотя бы выдвинутое летом 1989 года требование союзного депутата Ельцина ежегодно проводить референдум о доверии лидеру страны с заявлением Президента Ельцина летом 1992 года о том, что отстранить его от должности может только Господь Бог. Первое было неверно по существу и свидетельствовало о

демократическом романтизме; второе также неверно по существу, но свидетельствует уже об антидемократическом реализме, о готовности не считаться с законами и волей большинства.

В действительности причины свертывания демократии лежат глубже. Первая из них состоит в том, что страна переживает период крайней нестабильности. В принципе, любого из трех сотрясающих Россию процессов (реформа по модели «шоковой терапии», буржуазно-бюрократическая революция, разрушение государственности) достаточно для того, чтобы вызвать социальные взрывы. Протекая же одновременно и стимулируя друг друга, они образуют такую «гремучую смесь», бурление которой неминуемо вызывает у лидеров желание потуже «завинтить гайки» и прямо опереться на силу. В современном обществе демократия — дочь стабильности. Это наилучшее средство легитимации (узаконивания) власти правящей элиты до тех пор, пока это не угрожает ее коренным интересам. Нам же стабильность в ближайшее время «не светит», потому авторитарные потуги со стороны власть имущих вполне естественны и закономерны.

Пожалуй, первым среди новых лидеров это осознал (или, по крайней мере, высказал) Гавриил Попов, который уже с конца 1990 года требовал «административного насилия», «железной руки», «демократической диктатуры», призывал вводить новую систему теми же методами, какими большевики внедряли административный социализм. За Поповым последовала целая плеяда явных и неявных советников Президента, включая Геннадия Бурбулиса, которого радио «Свобода» окрестило «мастером политических интриг», и Сергея Шахрая. Последний все чаще высказывается за «просвещенный» авторитаризм, в котором видит спасение от фашизма. Однако вряд ли таким высококвалифицированным специалистом, как Сергей Шахрай, не известно, что в России всегда было очень хорошо с «авторитаризмом», всегда очень плохо — с «просвещением». И что в отечественных условиях авторитарная президентская власть — это и есть кратчайший путь если не к фашизму, то, по крайней мере, к режиму пиночетовского типа.

Впрочем, здесь действует почти железная логика: отказавшись от варианта реформ с наименьшими потерями для большинства, от социальной защиты, от ориентации на преимущественное право собственности работника (социалистической ориентации), правящая элита неминуемо должна была отказаться и от лозунга, который привел ее к власти, — от лозунга демократии. Романтики вроде Леонида Баткина, которые пытаются сочетать курс на первоначальный капитализм с защитой политической демократии, все более превращаются в могикан. Позиция же тех, кто делает реальную политику, ожесточается пропорционально росту экономической нищеты и социальной напряженности.

Другая причина свертывания демократии — культурно-политические традиции страны, и, как это ни печально, основанные на них настроения больших групп населения России. Не буду повторять тривиальные истины о царистских и генсековских иллюзиях, в которых веками воспитывался наш народ. Напомню лишь, что «команду» Янаева — Павлова в некоторых регионах, согласно опросам, поддержало до 40% населения. Надо учесть, что большинство членов этой «команды» имело в массовом сознании сугубо отрицательный имидж, созданный частью собственными усилиями, частью усилиями средств массовой коммуникации. «Да пусть же кто-нибудь наведет, наконец, порядок!» — эта мысль звучит теперь не только со страниц газет, но в очередях, метро и даже на митингах. Правда, в очередях ждут диктатора левого толка, наподобие Андропова — чтобы заставил всех работать, «прихлопнул» спекуляцию, восстановил хоть какую-нибудь социальную справедливость; в газетах же — правого толка, наподобие Пиночета — чтобы утихомирить «люмпенов», быстрее распродал заводы и магазины и «железной рукой» защищал новых собственников. Вопреки всяческой логике, авторитет Президента Ельцина все еще достаточно высок, потому что, во-первых, он имеет имидж решительного человека, а, во-вторых, в нем многие видят Андропова. На самом деле до сих пор Президент был решителен лишь в своей разрушительной деятельности и в своих колебаниях, а по исторической роли он, скорее, Пиночет.

С культурно-политической точки зрения наша ситуация особенно драматична потому,

что в короткие сроки были развенчаны два высоких исторических идеала. Сначала прежняя бюрократическая элита дискредитировала идею социализма, затем она же, поменяв флаги и лозунги и слегка обновившись, дискредитировала идею демократии. И теперь масса рядовых граждан рассуждает примерно так: «Если то, что было при Брежневле — это социализм, я против социализма; если нынешний бедлам и беспредел чиновников — это и есть демократия, я против демократии!»

Вообще для революционных и контрреволюционных ситуаций характерно то, что народ очень хорошо знает, что он хочет разрушить, но очень плохо знает, что он хочет создать. Сколько же раз в истории «пролетарии всех стран» шли к избирательным урнам, а то и на баррикады с надеждой: «в царство свободы дорогу грудью проложим себе.» И действительно прокладывали, но не себе, а новой элите. Сами же получали лишь иной вариант несвободы.

Так случилось и у нас. Вспомним: плебисцитарная демократия (т. е. всеобщие выборы и референдумы), наряду с массовыми митингами и демонстрациями, стала тем «тараном», с помощью которого второй эшелон правящей элиты сбросил с пьедестала первый и сам занял его место. Именно гигантская волна ненависти к прогнившей бюрократической системе подняла на гребне новых лидеров. Участники событий не заметили, что эта волна уже выплеснулась за исторически необходимые границы разрушения и что новые кумиры становятся все больше похожими на старых «исчадий ада», только с обратным знаком.

Помню тягостное ощущение февраля—марта 91-го года. Тогда прессе и на многочисленных встречах я пытался убедить сограждан, что референдум в наших условиях бесполезен, но если уж он проводится, то, во-первых, было бы безумием голосовать против собственного государства, а, во-вторых, появление Президентов в республиках будет стимулировать распад страны со всеми его бедствиями («двух Президентов Россия не выдержит»). Оплачивать содержание Союза России во всех отношениях куда дешевле, чем его распад. Люди слушали, очень редко находили возражения по существу, но не очень верили: ненависть к старой системе и надежды на новую элиту были гораздо сильнее доводов разума.

Пожалуй, революционные ситуации, как никакие другие, иллюстрируют сказку Салтыкова-Щедрина, в которой мужик не только кормил двух генералов, но и вил веревку, чтобы его привязали к дереву. Если проклинаемый ныне Маркс утверждал, что демократия есть «власть народа посредством самого народа», то история перестройки, обернувшейся, как и предсказывал Александр Зиновьев, «катастрофой», дала целый ряд примеров великолепно организованного манипулирования народом посредством самого народа.

Ныне демократическая эйфория если не отошла в прошлое, то, по крайней мере, на излете. Благородная идея демократии дискредитирована как отрицательными экономическими результатами, так и поведением правящей олигархии. Все чаще те, кто сохраняет верность демократической ориентации, если и готовы повторять хрестоматийные строки поэта: «Пока свободой горим...», то лишь с тревожной, вопросительной интонацией. В таких условиях демократия может оказаться «придушенной» (или «замороженной») не только по сценарию, описанному Александром Кабаковым в «Невозвращенце», т. е. в результате разнонаправленных политических переворотов, но и вполне демократическим путем. Раньше это называлось «по просьбам трудящихся». Теперь «трудящиеся» не в моде, и авторитаризма требуют «во имя спасения реформ». То, что такой сценарий — отнюдь не плод фантазии, доказывают попытки сбора подписей под требованием референдума о предоставлении Президенту дополнительных полномочий.

Официальная пропаганда постоянно твердит о «красно-коричневой» угрозе демократии. И вообще говоря, известная угроза со стороны левого экстремизма действительно существует. Но гораздо более реальна опасность того, что с демократией в России покончат сами же бывшие демократы, подобно тому, как бывшие коммунисты покончили с социализмом.

* * *

И снова слышу я голос несогласного читателя: «Пусть так. Пусть даже так плохо, как изображено в этой статье. Но нам уже все равно в жизни ничего не светит. Зато наши дети будут жить хорошо!»

Тот, кто общается со множеством людей, наверное, не раз слышал эти возражения, и кого-то они убеждают. Увы, увы, уважаемый читатель! Должен еще раз Вас огорчить, ибо «протрезвели» Вы только наполовину: не дети, а внуки; и не так уж хорошо; и не Ваши лично, а среднестатистические. Вот Вам мнение о том, «куда несет нас рок событий» человека, большинство прогнозов которого до сих пор, к несчастью, сбывалось.

В ближайшие 7—8 лет Россию ожидает крайняя экономическая нестабильность; социальные конфликты внутри и национальные конфликты, как правило, в приграничных районах; большие и малые промышленные аварии и экологические катастрофы; дальнейшее обнищание основной массы народа; политический режим либо открыто авторитарный, либо с остатками урезанной демократии; полная деморализация населения, рост преступности и антисоциального поведения; массовая эмиграция интеллигенции и утрата даже нынешнего заметно сниженного статуса в мировой науке и культуре. Затем мы вновь начнем гонку за ушедшими далеко вперед развитыми странами Запада и через два поколения, в лучшем случае, выйдем в новые индустриальные страны типа современной Южной Кореи. Шансов оказаться по уровню экономики в Европе или Северной Америке Россия в обозримой перспективе не имеет. Да и самим этим странам придется менять экономическую ориентацию, ибо если Индия и Китай возьмут пример с Запада, человечество ждет экологическая катастрофа. Другими словами, попытка реставрировать в России классический капитализм означает, как об этом честно предупредила Валерия Новодворская, столетнее отставание нашей страны. В этом случае мы уподобляемся герою анекдота, который, спасаясь на тачанке от танка, приговаривал: «Ничего, Земля круглая, догоним!»

Гораздо больше шансов действительно войти в цивилизацию дает другой путь. Но чтобы выйти на него, надо сделать главными собственниками не бюрократов и «теневиков», а работников; надо признать социальную защиту не тормозом реформ, а одним из приоритетов экономики; надо стимулировать не торгово-бюрократическое, а производственное предпринимательство; надо вести перераспределительную — политику в интересах малообеспеченных по шведскому или, как минимум, по германскому образцу; надо защитить природу как от собственных варваров, так и от тех иностранных господ, которые ведут себя по-варварски в чужих странах; надо прекратить массовое разращение народа «массовой культурой» и найти средства на поддержку всех ростков духовности, независимо от ее идеологической ориентации; наконец, надо защитить и усовершенствовать демократию в России, пусть плохонькую, но гораздо более соответствующую чаяниям свободного человека, чем диктатура бюрократии или торгового капитала.

Несмотря на множество сторонников, такая модель развития имеет мало шансов воплотиться в жизнь. Однако именно она могла бы помочь России перестать быть заложницей «рока событий», а нашим детям позволила бы, нет, не пировать с небожителями, но занять достойное место в мировой истории и культуре.

Статья написана в мае—июне 1992 года и опубликована в альманахе омской писательской организации Союза писателей Российской Федерации «Иртыш». — № 2.— Омск: 1992.— С. 5—23.

Из статьи «Современная Россия: политические альтернативы на завтра»

2. Факторы формирования российского политического курса

В соответствии с традициями общественной мысли нового и новейшего времени и в отличие от конъюнктурных представлений, господствовавших в СССР и России в 1989—1992 гг., под левыми здесь понимаются такие политические течения, концепции, акции,

которые ориентированы на социальное равенство (чем более, тем левее), а под правыми соответственно те, которые ориентированы на неравенство. Помимо интересов определенных общественных групп, за борьбой левых и правых в новое и новейшее время всегда стояла проблема поиска (нередко бессознательного) оптимального сочетания эффективности и справедливости общественной системы.

На уровне социального философского исследования, когда рассматриваются основные эпохи истории человечества, легко доказать, что вектор исторического движения, при всех его зигзагах, в целом сдвигается влево, к более справедливому обществу. Это закономерно, ибо более эффективная социальная система в конце концов оказывается более справедливой и наоборот. Так, например, раннекапиталистическое общество (индустриализирующаяся цивилизация) справедливее феодального (средневековой цивилизации), ибо ликвидирует все сословные и иные привилегии, за исключением единственной привилегии богатства, современный высокоцивилизованный капитализм («социализированный» капитализм, «посткапитализм», «социальное рыночное хозяйство» и т. п.) справедливее капитализма первоначального, ибо создает благополучие для 2/3 и минимум жизненных условий для большинства оставшегося населения.

Однако в конкретных исторических ситуациях эффективнее оказывается то более левая политика («новый курс» Ф. Рузвельта), то более правая (советский НЭП, «тетчеризм» или «рейганомика» в 80-х годах). Поэтому отечественной политической науке и пропаганде следует не просто вернуть терминам «левые» и «правые» их общепринятый смысл (в значительной степени это сделано), но и освободить эти термины от характерного аксиологического налёта (влево — всегда хорошо или наоборот).

Совершенно очевидно: для того, чтобы вывести экономику страны из состояния стагнации, руководству Михаила Горбачёва необходимо было использовать механизм социального неравенства, т. е. проводить курс более правый, чем у предшественников. Однако остаются дискуссионными или малоисследованными, по крайней мере, три вопроса:

- а) на сколько «градусов» следовало изменить политический курс, какая степень «поправления» была бы оптимальная для страны?
- б) действие каких факторов обеспечивало и будет обеспечивать смещение этого политического курса вправо, и каких — препятствовать такому смещению?
- в) какой политический курс в ближайшее время можно считать наиболее вероятным и каковы будут его результаты?

Дальнейшее изложение и представляет собой, по преимуществу, попытку ответа на два последних вопроса. Забегая вперёд, можно высказать предположение, что в ближайшем будущем доминирующими в России останутся факторы, вызывающие смещение политического курса вправо.

Первый из таких факторов, породивших так называемую «вторую русскую революцию» и в свою очередь усиленных ею, современная всемирно-историческая ситуация, крайне неблагоприятная для левых в большинстве стран мира. Крах административного социализма в Европе, кризис, а местами распад коммунистических партий в развитых странах Запада, трудности социал-демократов, которые в одних странах потеряли власть, а в других сохранили её ценою сдвигов вправо,— все это явно проявления определенной закономерности.

В порядке постановки проблемы можно высказать предположение о том, что здесь действует открытый Марксом закон соответствия общественных отношений уровню и характеру развития производства, однако действует он в направлении, явно неблагоприятном для сторонников традиционных социалистических воззрений, не говоря уже об ортодоксальных марксистах. На современном этапе научно-технического прогресса более рентабельными и эффективными оказываются уже не наиболее крупные предприятия, как прежде, а гибкие, по преимуществу средние и мелкие. Известный футуролог Олвин Тоффлер назвал подобные процессы, идущие и в других сферах общественной жизни, «демассофикацией». Соответственно и государственная

собственность, охватывающая обычно крупное производство, как правило, ныне уступает в эффективности другим её видам — частной либо групповой.

Иными словами, завершился, по-видимому, исторический период, когда решение общественных проб-лем не только на Востоке, но отчасти и на Западе политики искали слева (национализации, государственное регулирование экономики и т. п.). С середины 70-х годов используются преимущественно рецепты правых (дерегулирование, реприватизация) и достаточно успешно. Правда, и при этом продолжают процессы, которые одни социал-демократы называют «социализацией», другие же (В. Белоцерковский, В. Иноземцев) — формированием посткапиталистических отношений: развитие коллективной и кооперативной собственности, социальных гарантий, регулирование неравенства, расширение среднего класса и т. п. Появились также первые признаки того, что неоконсервативная модель себя исчерпала (например, победа Клинтона на выборах в Соединённых Штатах). Однако эти тенденции в настоящее время не доминируют и не они, по-видимому, будут определять направление российской экономической политики. Не случайно парадигмы отечественных радикальных экономистов, определяющих эту политику, ближе Милтону Фридману и Джеффри Саксу, нежели Джону Кейнсу или Джону Гэлбрейту.

Второй фактор — логика исторического развития, хорошо известная специалистам по истории революций под именем «качелей» или «маятника». Суть её в том, что чем дальше революция выходит за пределы решения исторически возможных задач, тем больше последующий откат назад, затем — новый цикл и так до тех пор, пока не установится некое подвижное равновесие и события не войдут в нормальное, при данном уровне цивилизации, русло. Так, во Франции в конце XVIII века революция сначала шла до отказа влево, вплоть до якобинской диктатуры, затем вправо — через термидорианский переворот и режим Наполеона к реставрации монархии Бурбонов; и снова влево: через революции 1830 и 1848 гг. до Парижской коммуны и её подавления. Лишь затем началось более или менее нормальное буржуазное развитие. По аналогичной синусоиде развивалась и советская история: «военный коммунизм» — НЭП — «сталинский перелом»... — перестройка и постперестроечные потрясения.

Есть серьёзные основания ожидать, что поскольку страна наша шла влево дольше всех и заходила на этом пути весьма далеко, происходящий ныне исторический вираж вправо будет одним из самых глубоких в XX веке по продолжительности и сопутствующим потрясениям. Опыт многих революций показал: когда «мир насилия» разрушается до основания, из-под его обломков нередко появляются не новые отношения, а остатки еще более старого мира.

Третий фактор, детерминирующий смещения политического курса — это также хорошо известный историкам революций процесс саморазрушения власти, когда эта власть оказывается неспособной выбрать верный курс преобразований и в конце концов своими неуклюжими действиями подрывает собственную опору. При этом как торможение назревших реформ, так и их форсирование, подменой революционной ломкой системы могут оказаться равногибельными. Последние примеры такого рода мы находим в Восточной Европе на рубеже 90-х годов, в СССР и России — со второй половины 80-х.

Так, отказ руководства Михаила Горбачёва от сколько-нибудь существенных реформ в 1987—1988 гг. привёл к тому, что на рубеже 90-х годов между общественным сознанием и экономической политикой сложилось острейшее противоречие; политика по существу осталась левоконсервативной, а общественное сознание ушло далеко вправо. Напротив, в случае проведения таких реформ политический курс оказался бы правее, а массовое сознание — левее, поскольку экономический и общественный кризис не был бы столь глубоким. Вероятно, это позволило бы избежать дальнейших потрясений. Точно так же попытка политического переворота в августе 91 года имела следствия, прямо противоположные поставленным целям: вместо наведения порядка — усиление экономического хаоса; вместо укрепления Советского Союза — его полное разрушение.

Наконец, антиконституционный роспуск российского Парламента и последовавшая за этим малая гражданская война в Москве также укладывается в логику саморазрушения

революционной власти. Об этом свидетельствует и падение легитимности всех без исключения институтов власти, повышающее вероятность нового государственного переворота от ничтожно малой до значимой величины, и результаты парламентских выборов 12 декабря 1993 года, далеко не совпадающие с прогнозами. Кстати сказать, эти результаты показывают, что при провале центра и поляризации политических настроений ведущей тенденцией остаётся их смещение вправо. Следовательно, власть, пугая народ угрозой реставрации коммунизма, в действительности открывала тем самым дорогу правому радикализму.

Что же касается заявлений лидеров правящей в России праволиберальной субэлиты относительно того, что расстрел Российского парламента 4 октября аналогичен подавлению большевиками Кронштадтского мятежа и сулит обществу окончание революционных потрясений и вступление в полосу стабильности, то они явно не выдерживают сколько-нибудь серьёзной критики. Достаточно вспомнить, что подавление Кронштадтского мятежа в России лишь временно приостановило революционные бури, которые продолжились в конце 20-х годов, так называемым «сталинским переломом». Вообще есть только один способ избежать революционных потрясений, и состоит он в том, чтобы не делать революцию, а проводить необходимые реформы с учётом интересов большинства населения.

Четвёртой детерминантой российского политического курса в настоящее время и обозримой перспективе является национальный вопрос. И хотя в стране нет политического течения, которое бы не пыталось ставить этот вопрос, использовать его в собственных политических интересах представляется более вероятным, а выборы 12 декабря это косвенно подтверждают, что подобная «утилизация» скорее удастся правым, нежели левым. Во-первых, электорат традиционных левых (компартии Российской Федерации) остаётся достаточно ограниченным, а аллергия массового сознания к слову «коммунизм» — достаточно устойчивой. Новые же левые течения до сих пор так и не сформировались как сколько-нибудь серьёзные политические силы.

Во-вторых, благодаря тактике «перехвата революции», осуществляемой многими представителями правящей субэлиты, которые выступают ныне за крепкую государственность, в защиту интересов русскоязычного населения в «Ближнем Зарубежье» и т. п., и несмотря на то, что в целом они имеют вполне заслуженную репутацию активных участников процесса разрушения Союзного государства, не исключено, что им всё же удастся заменить этот политический имидж на противоположный. Ожидать же, что население ещё недавно великой державы безропотно смирился со статусом «Верхней Вольты без ракет», с потерей целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, населённых к тому же в большинстве русскими, вообще вряд ли реалистично. Отсюда дополнительные шансы правых — либо ныне стоящих у власти, либо новых, пока находящихся в оппозиции.

Среди факторов, противодействующих смещению политического курса вправо, выделим один, наиболее существенный: представления о социальной справедливости (во многом уравниательные), закреплённые в стереотипах общественного сознания и традициях образа жизни. Колоссальные усилия средств массовой информации по пропаганде необходимости неравенства привели не к утрате этих представлений, но лишь к их деформации. В частности, социальная зависть — это обратная сторона медали социальной справедливости — нередко направляется не против крупных собственников, делающих гигантские состояния из «воздуха» и вывозящих капитал за границу, а против людей, получающих более высокие доходы от собственного труда (фермеров, высококвалифицированных рабочих и т. п.). Поскольку представления о справедливости прочно укоренены в национальном менталитете, даже оппозиционные к любым формам социализма течения, за исключением лишь крайних радикалов, вводят в свои программы по существу социал-демократические лозунги социальной защиты малообеспеченных слоев населения.

Теоретически эта особенность массового сознания способна вызвать и уже вызывает волну леворадикальных настроений. Однако значительных практических результатов такие

настроения в ближайшей перспективе иметь не будут в связи с состоянием левого движения, о котором речь уже шла выше. Кроме того, как показывает опыт, в том числе последних выборов, недовольство падением уровня жизни, социальной несправедливостью и другими аналогичными социальными проблемами, может быть использовано не только левыми, но и правыми.

3. Сценарии и модели

Сказанное позволяет сформулировать некоторые общие соображения относительно вероятности реализации четырёх наиболее часто обсуждаемых сценариев возможного развития России.

Сценарий первый: возврат к леворадикальному курсу, попытка восстановления уравнилельно-бюрократического социализма (этатисткого социализма, административно-командной системы и т. п.). В плане исторических аналогий это можно рассматривать как уже третий в нашей истории (после «военного коммунизма» и сталинизма) вариант яacobинской диктатуры. В идеологическом плане именно этот сценарий использовался как главное орудие устрашения населения и доказательство того, что нынешнему курсу альтернативы нет. В практическом плане вероятность реализации такого сценария близка к нулю. К ранее сформулированным аргументам, которые подтверждают это категорическое утверждение, необходимо прибавить следующее.

Во-первых, в России нет сколько-нибудь значимых политических течений, выступающих за леворадикальный курс. А небольшие группировки, разделяющие идеологию ортодоксального коммунизма, имеют репутацию, намного превосходящую реальные возможности. Что же касается единственной массовой левой партии — компартии Российской Федерации, то она сделала заметные шаги от коммунистической идеологии к социал-демократической и от жёсткой классово-й позиции к выдвигению на первый план общегосударственных интересов.

Во-вторых, и это более важно, заслуживает серьёзного внимания оценка новейшей российской революции как революции бюрократической, революции менеджеров, «революции замов и экспертов» и т. п. Не располагая общероссийской статистикой, можно тем не менее с уверенностью утверждать, что именно представители управленческого аппарата, включая привилегированную номенклатуру, составили большую часть так называемых «новых русских», обменяв власть на собственность либо превратившись в крупных собственников при сохранении власти. Поэтому в России сегодня нет сколько-нибудь заметной экономической либо политической субэлиты, которая бы выступала буквально за возврат к прежней системе. На фоне политического шума о противостоянии реформаторов и антиреформаторов на деле российскую политику формируют конфликты между представителями национального и компрадорского капитала, а также выходцами из прежних структур и нуворишей (в публицистике они обозначаются обычно терминами «бюрократы» и «теневики»). Власть любого политического течения, ориентированного на интересы одной из названных общественных групп, означает конечно отнюдь не возврат к доперестроечным временам, но лишь модификации постперестроечного курса.

Сценарий второй: ультраправый политический курс, установление режима фашистского типа. Прямой аналогии данному сценарию в истории революции найти не удастся, хотя совершенно очевидно, что его реализация означала бы перемещение «маятника» в позицию более правую, нежели та, в которой он находился в начале эпохи российских революций XX века. В идеологическом плане данный сценарий играет роль, аналогичную предыдущему... Вероятность реализации данного политического сценария выше нежели первого, и тем не менее она представляется незначительной.

В настоящее время в специальной литературе и публицистике весьма часто встречаются аналогии между современной Россией и Германией 30-х годов. И действительно, для таких аналогий есть основания: в обоих случаях радикальные настроения порождаются глубочайшим экономическим кризисом и ущемленными национальными чувствами. Более того, в России, помимо новейшей «великой депрессии»

и разрушения прежней государственности, есть еще один мощнейший фактор социальной напряженности — смена типа социетальной системы (общественной формации). Тем не менее существует, как минимум, два фактора, резко снижающих шансы на реализацию правозэкстремистского сценария.

Первый из них — многонациональный состав населения и веками выработанные традиции совместной жизни разных народов. Распространенное в политической науке мнение — о том, что в многонациональной стране возможны проявления национализма в отношении определенных этнических групп (в российском случае — евреев, «кавказцев»), но не возможен фашизм как расовая теория и основанная на ней политика — это мнение заслуживает серьезного внимания. Стоит заметить, что, например, требование пропорционального представительства этносов в органах власти и в средствах массовой информации выдвигается в России лишь периферийными группировками и отсутствие в программах сколько-нибудь заметных политических организаций, включая ЛДПР.

Второй фактор — крайне негативное отношение к фашизму, закрепленное в историко-культурной памяти народа, что подтверждается многочисленными социологическими опросами. С точки зрения политической науки, распространённые в современной публицистике представления о том, что Россия «сошла с ума», поскольку около четверти политически активного населения проголосовало за «фашизм», не выдерживают никакой критики.

Достаточно напомнить, что по целому ряду ключевых позиций (лояльность Президенту, отношение к новому проекту Конституции) позиции ЛДПР и её лидера совершенно совпадали с позицией лидеров «Выбора России».

Вообще если правый экстремизм в России имеет какие-то шансы, то обязан он этим не столько самому себе, сколько правящей политической элите от «Демократической России», точно так же как сама эта элита обязана своим приходом к власти правящей номенклатуре от КПСС. Речь здесь идет не только об объективных результатах того или иного правления, но и о том, что на рубеже в начале 90-х годов либеральные средства массовой информации сделали очень много для разрушения антифашистских стереотипов в массовом сознании, всячески принижая роль победы Советского Союза в войне с Германией.

Сценарий третий: осуществление курса реформ по одной из левоцентристских моделей (Китайской, нэповской, самоуправленческой и т. п.). С точки зрения исторических аналогий, как ни парадоксально, этот сценарий может быть назван термидором. Термидор, как известно, не уничтожал основных результатов революций, но вводил её ход в исторически возможное при данных обстоятельствах русло, хотя и не предотвратил движения вправо. В идеологическом плане различные модификации этого сценария предлагаются в настоящее время оппозицией как основа исторического компромисса для создания широкого общенационального блока, правительства национального доверия и т. п. Тем не менее вероятность его реализации немногим выше, чем предыдущего. В пользу этого утверждения свидетельствует как все сказанное выше о современной исторической ситуации, маятникообразном движении вправо новейшей российской революции и её бюрократическом характере, так и явно обнаружившийся процесс размывания центра, понижающий шансы околоцентристских политических течений и предлагаемых ими моделей развития.

Кроме того, левоцентристский политический курс, как показывает исторический опыт, возможен либо при авторитарном режиме левого толка (например, когда у власти находятся компартии, ориентированные на реформы), либо при условии формирования широкого блока партий, представляющих интересы работников и национально-ориентированного капитала, при преобладании в этом блоке течений левого толка. То и другое в современных российских условиях представляется проблематичным.

Сценарий четвертый: продолжение нынешнего курса с дальнейшим смещением его вправо, правоконсервативный политический режим с выраженным национально-государственническим окрасом. С точки зрения исторических аналогий данный сценарий представляет собой своеобразную попытку реставрации дооктябрьской России, которую

мы «потеряли», хотя, разумеется, буквальная реставрация дореволюционной общественной системы была бы утопичной и революционной одновременно. В идеологическом плане лозунг национального возрождения используется едва ли не всеми политическими силами, однако наиболее успешно — революционерами новейшей формации в целях более глубокой деструкции постсоветских институтов.

Совершенно очевидно, что проанализированная выше система факторов, вызывающих смещение российского политического курса вправо, превращает четвертый сценарий в наиболее вероятный. Совершенно очевидно, что реальная потребность в защите национального производства, развития национального капитала, а также ущемление в правах русскоязычного населения в «Ближнем Зарубежье» будут придавать новейшему правоконсервативному режиму все более ярко выраженную национальную окраску. Совершенно очевидно, что с осени 1991 года в политике правящей элиты все более нарастают авторитарные тенденции, а дальнейшее смещение политического курса вправо чревато переходом от авторитарно-демократического к законченному авторитаризму. Заслуживает внимания мнение ряда зарубежных специалистов (например, Джон Росс) о том, что авторитарные тенденции в российской политике угрожают демократии в Европе.

Данный политический сценарий может быть реализован в различных формах и различными политическими лидерами. Это может быть нынешний Президент России, позиция которого уже заметно эволюционирует от «антиимперской» к национал-государственнической, это может быть либо кто-то из ближайшего окружения лидеров объединенной оппозиции, при условии, что господствующее положение в ней займут не левые, а правые.

Это может быть даже «остепенившийся» лидер ЛДПР. Дело не в личностях, а в общеисторической тенденции, ведущей к дальнейшему смещению российского политического курса вправо, правее курсов, проводимых в развитых странах Запада. Обратное движение революционного «маятника» влево вряд ли начнется раньше XXI века и будет происходить по мере возникновения новых политических течений левого толка, возможно, под влиянием процессов «социализации» в наиболее передовых в экономическом отношении странах.

4. Альтернативы на завтра

Как уже говорилось, развитие событий по четвертому сценарию делает достаточно вероятным переход России от авторитарно-демократического режима (авторитарного по существу, демократического по аксессуарам) к полноценному авторитаризму. При этом политологами и политиками проанализировано уже несколько вариантов установления такого режима, от наиболее простых, не предполагающих даже нарушения нынешней Конституции, до самых экстравагантных. Приведу лишь три таких варианта, расположив их по степени возрастания невероятности:

1. Искусственный конституционный тупик с сохранением нынешнего Президента. Формула этого варианта очень проста. Государственная Дума либо в результате давления снизу, либо в результате провокации сверху, либо в результате того и другого, высказывает за недоверие правительству раньше, чем принимает закон о выборах президента и парламента. После нескольких манипуляций Президент распускает Думу и назначает её новые выборы. Поскольку же закона нет, нормы участия граждан в выборах устанавливаются Указом и заведомо завышаются (например, 80% от списочного состава избирателей, 50% от того же числа — чтобы кандидат был признан депутатом). Необходимое число избирателей, естественно, на выборы не приходит. Представители западных демократий, пошумев для порядка, успокаиваются, ибо прагматические интересы для них были всегда выше принципов. Сохранённый для видимости легитимности Совет Федерации выполняет функции Думы, но уже не государственной, а «боярской». Конституционный суд, пополненный «своими», либо оказывается не в состоянии принять решение об отрешении Президента от должности, либо не в состоянии

его реализовать, так как нет одной из палат парламента, без которой Президента отрешать от должности невозможно. В итоге Президент и назначенное им Правительство остаются полновластными хозяевами положения. Поскольку выборы Президента назначать указом самого Президента неприлично, да и не хочется, а закона о выборах Президента нет, выборы не проводятся вовсе. Со временем заболевший или состарившийся Президент сможет передать свои функции в полном соответствии с Конституцией Премьеру, которого он сам перед тем назначит, или переназначит, ибо утверждать Премьера некому. Премьер, ставший Президентом, повторит эту процедуру в отношении своего преемника и так до тех пор, пока самим субъектам авторитаризма он не надоест или их не вынудят отказаться от власти бурные политические события.

2. Искусственный конституционный тупик с заменой Президента, модель развития событий почти та же, как в первом случае с той небольшой разницей, что окружение Президента приходит к выводу о необходимости «пожертвовать ферзя» во имя «спасения партии». В этом случае Президент заявляет о резко ухудшившемся состоянии здоровья или это делается о его имени, а власть переходит к Премьеру. На прежнего лидера списываются разрушение экономики, государственности и кровь 4 октября 1993 года.

Новый Президент вводит в Правительство несколько популярных лидеров и, прежде всего, на посты министра обороны и внутренних дел, объявляет чрезвычайное положение в экономике и чрезвычайные меры по борьбе с преступностью. В результате этих мер крупные коммерческие, финансовые и (или) криминальные структуры избавляются от более мелких конкурентов, народ призывают затянуть пояса и героическими усилиями преодолеть трудности, которые сами же до этого перед собой воздвигли. Новых выборов в этом случае можно ожидать лишь после того, как дела в экономике начнут поправляться.

3. Плебисцитно-монархический вариант, который может развиваться как вместо, так и в дополнение к двум предыдущим. Как известно, уже собрано более двух миллионов подписей за восстановление в России конституционной монархии (которой, кстати, у нас никогда не было). В условиях, когда деньги, армия, средства информации и избирательные комиссии, подсчитывающие голоса, находятся в одних руках, целиком исключать возможность положительного результата на таком референдуме было бы не верно. Хотя, конечно, вероятность такого варианта столь же мала, сколь велика его экстравагантность.

Само собой разумеется, что, во-первых, приведённый перечень моделей перехода к полноценному авторитаризму не только не является исчерпывающим, но не охватывает даже всех основных вариантов (другие варианты апробированы Муссолини в первой половине 20-х годов). Во-вторых, описанные сценарии и модели возможны лишь при сохранении в стране относительного спокойствия и отсутствия массовых выступлений.

Если же крупномасштабные массовые выступления в стране произойдут, результата их может быть трояким: либо досрочные выборы Президента и парламента с вероятной сменой политического режима, либо правая диктатура по типу пиночетовской, к чему регулярно призывают правительственные СМИ, либо революционно-демократическая диктатура левого толка, проводящая экономическую политику по одной из левоцентристских моделей.

Однако это отдельная тема для политического прогнозирования, причем достоверность прогнозов в этом случае ещё ниже, чем в вариантах относительно мирного развития событий. Революции, замечу ещё раз, тем и отличаются, что, либо опровергают прогнозы, либо реализуют их в такой форме, которая вызывает удивление, а чаще разочарование у самих авторов.

Поэтому вряд ли стоит удивляться, если такая же судьба постигнет сценарии и модели, проанализированные в данной статье и наша ближайшая история в очередной раз предъявит сюжет, который до сих пор никому из аналитиков не приходил в голову...

* * *

Судьба этой статьи отлична от большинства других, объединённых в сборнике: не успела она выйти из типографии, как в последней своей части уже нуждается в

коррективах. Дело в том, что весной 1995 года в период, когда журналисты и политики подводили итоги десятилетия перестройки, как никогда в последние 10 лет обнаружилась тенденция правящей политической элиты вернуться к прежним общественным формам при новом их содержании, сочетая право-либеральный курс в экономике с государственнической, а то и левой фразеологией в политике и идеологии.

Действительно, люди, которые спустя 50 лет после советского наступления под Москвой, в Беловежской пуще реализовали одну из ключевых идей плана «Барбаросса» (раздел Советского Союза по национальному принципу), и к тому же несколько лет именовали противников этого раздела не иначе как красно-коричневыми, с энтузиазмом взялись за организацию празднования 50-летия Победы над фашизмом; едва ли не впервые за последние десять лет из уст премьера России прозвучала похвала Иосифу Сталину; участники учредительного съезда блока «Наш дом — Россия» на всю страну заговорили о том, что многопартийность для страны непозволительная роскошь и что нам хватило бы одной партии (разумеется, их собственной).

Основываясь на подобных фактах, правые либералы, а так же часть интеллигенции сплошь и рядом утверждают, что в стране за десять лет ничего не изменилось: кто правил, тот и правит, разве что Политбюро называется теперь Совет Безопасности, а имя «тайного советника вождя» стало явным (Александр Коржаков).

При этом предполагается, что если бы удалось заменить премьера Черномырдина настоящим либералом, например, Гайдаром, он провёл бы реформы как следует и страна стояла бы на пороге светлого будущего.

Увы, это или стандартное заблуждение, или стандартное ложь. За десять лет содержание общественных процессов в стране изменилось коренным образом: государственный, бюрократический социализм сменился государственным и ещё более бюрократическим капитализмом. Стремление же властвующей элиты частично вернуться к прежним формам означает лишь одно: вчерашние ограниченные в правах распорядители собственности превратились в её полноправных хозяев. И хотя при этом частью пирога пришлось поделиться с нуворишами, полученного достаточно для собственной спокойной жизни, а так же для детей, внуков и правнуков. Теперь революций больше не требуется, нужны стабильность и покой. Для этого более всего пригодна однопартийная система, а в крайнем случае даже сталинистские методы.

Таким образом, основной прогноз статьи подтверждается: мы продолжаем дрейфовать вправо, к госкапитализму и авторитарному режиму с национальным окрасом. Однако модель, форма реализации сценария оказалась несколько неожиданной, ибо правый режим стремится утвердиться во многом за счет левого электората, используя не только государственническую идеологию, но так же и апелляцию к прош-лому и левую фразу.

Статья опубликована в книге «Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы». Под редакцией А.В. Бузгалина. М: Экономическая демократия, 1995.— С. 207—223.

* * *

В 1989—1990 гг. вероятность реализации трех путей, о которых речь шла в статье «Куда ж нам плыть?», оценивалась автором в лекциях для студентов как 20:70:10. Названные цифры, впрочем, не являлись результатом подсчетов и представляли собой скорее качественную, чем количественную экспертную оценку тенденций общественного развития. Именно поэтому в статье более или менее подробно были описаны два возможных сценария (в особенности второй) и почти ничего не сказано о третьем.

Изменения в прогнозе 1994—1995 гг. связаны не только с появлением еще одного (правозэкстремистского) политического сценария, но и с изменением оценки вероятности реализации каждой из моделей политического курса. В середине 90-х гг. эта вероятность в порядке расположения сценариев в статье «Современная Россия: политические альтернативы на завтра» оценивалась автором уже как 3:5:7:85. Иначе говоря, шансы на

реализацию всех сценариев, кроме основного, уменьшились, а особенно сильно — вероятность возвращения к прежней системе.

Таким образом, отечественный опыт последних лет позволяет сделать два вывода. Во-первых, социально-политические процессы в России в течение 90-х гг. развивались по наиболее вероятному варианту (сценарию). Во-вторых, ход и исход (непосредственные результаты) новейшей российской революции при этом сценарии в главном оказались вполне предсказуемыми.